

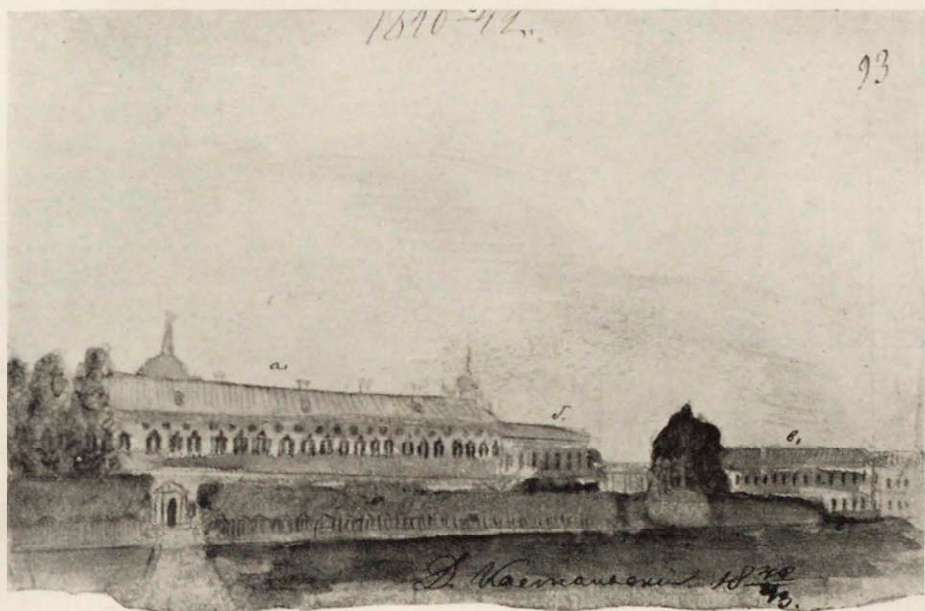
ИЗЪ „СЕМЕЙНЫХЪ ЗАПИСОКЪ“ ПРОТОІЕРЕЯ ДИМИТРІЯ ИВАНОВИЧА КАСТАЛЬСКАГО.

Академія.

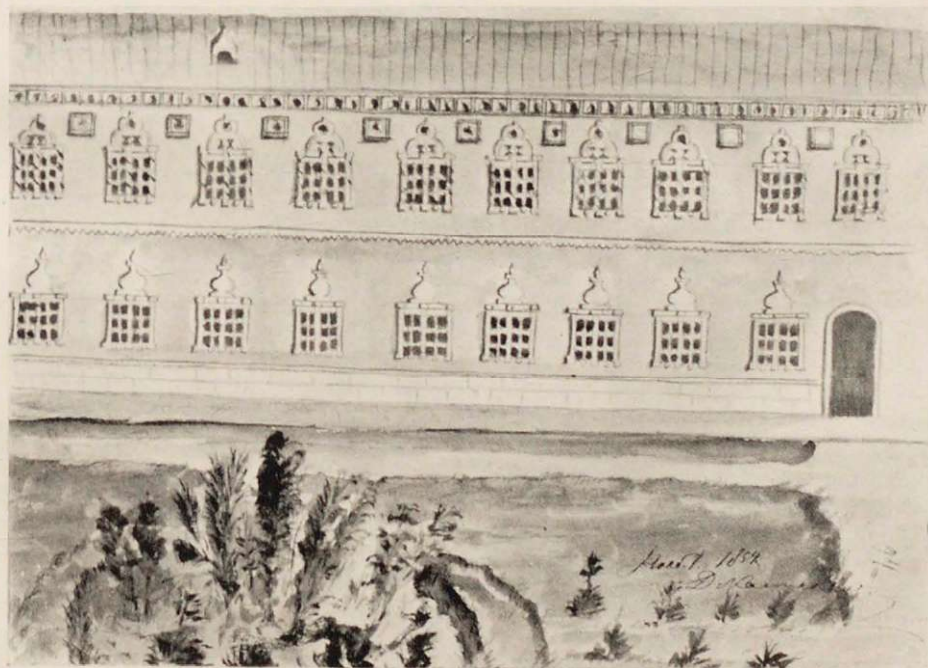
(1840—1844 гг.).

Протоіерей Дмитрій Ивановичъ Кастальскій, сынъ діакона Введенской въ городѣ Дмитровѣ, Московск. губ., церкви, родился въ 1820 году; учился въ Дмитровскомъ училищѣ и Введенской духовной семинаріи, изъ которой по окончаніи курса въ 1840 г. былъ посланъ въ Московскую Духовную Академію на казенный счетъ; въ Академіи окончилъ курсъ магистромъ въ 1844 году и до 1848 г. состоялъ бакалавромъ по кафедрѣ патристики въ Казанской Духовной Академіи; по собственному желанію въ 1848 г. перешелъ въ Московскую духовную семинарію профессоромъ логики, психологіи и патристики; въ 1852 году принялъ санъ священства и въ слѣдующемъ году, оставивъ службу при семинаріи, занялъ мѣсто священника при церкви технического училища и должность законоучителя въ этомъ училищѣ и въ Межевомъ институтѣ; въ 1877 г. сдѣланъ былъ протоіереемъ Московскаго Казанскаго собора; скончался въ 1891 году. За свои высокія нравственныя качества прот. Д. И. Кастальскій пользовался общею любовію и великимъ уваженіемъ какъ со стороны своихъ сослуживцевъ и учениковъ, такъ и вообще со стороны всѣхъ его знавшихъ. Изъ печатныхъ литературныхъ его трудовъ извѣстны: «Дѣйствіе вѣры Христовой на гражданскія общества» («Душеп. Чтен.», 1862, іюль); «О домашнемъ употребленіи слова Божія у христіанъ первыхъ вѣковъ» («Душ. Чт.», 1876, іюль и августъ); «О Богослуженіи» М. 1874; 2-е изд. М. 1880. Въ 1849—1850 г.г. онъ состоялъ сотрудникомъ «Москвитянина», помѣщая въ этомъ журналѣ рецензіи о духовныхъ книгахъ. Во время своего семинарскаго преподавательства Д. И. составлялъ курсъ психологіи, но, къ сожалѣнію, своего труда не окончилъ. Кромѣ того, онъ оставилъ послѣ себя обширныя, въ девяти томахъ, «Семейныя записки», нигдѣ еще не напечатанныя и хранящіяся у его сыновей. «Записки» эти богато иллюстрированы рисунками большею частію самого почтеннаго о. протоіерея, который любилъ и умѣлъ хорошо рисовать, а также печатными картинками и портретами. По своему содержанію «Записки» представляютъ во многихъ своихъ частяхъ цѣнный и интересный историческій матеріалъ, почему очень было бы желательнымъ видѣть ихъ въ печати. Приводимый здѣсь отрывокъ заимствованъ изъ второго тома «Записокъ» и печатается съ разрѣшенія сына покойнаго протоіерея Кастальскаго, Всеволода Дмитриевича Кастальскаго.

Пр. Н. Д.

Видъ Моск. Дух. Академіи въ началѣ сороковыхъ годовъ: а) Старый корпусъ; б) Баккалаврскій корпусъ; в) Новый корпусъ. (Съ рисунка Д. И. Кастальскаго).

Часть стараго корпуса Моск. Дух. Академіи въ началѣ сороковыхъ годовъ. (Съ рисунка Д. И. Кастальскаго).

Когда я учился въ семинаріи, то смотрѣлъ на Академію съ глубокимъ уваженіемъ, а на каждого студента, какъ на профессора, потому что всѣ мои профессора, передъ которыми я благоговѣлъ, были вѣдь такіе же студенты. Когда мнѣ изрѣдка случалось быть въ Академіи у студентовъ или во время экзамена въ залѣ, то глубина учености, которую я вездѣ видѣлъ и слышалъ, и въ лекціяхъ, которыя читали студенты передъ митрополитомъ, и въ огромныхъ грудяхъ фоліантовъ, наваленныхъ на окнахъ, на столахъ, въ шкапахъ, и, наконецъ, въ толстыхъ книгахъ тетрадей, лекцій и сочиненій, которыя студенты цавали переписывать семинаристамъ,—эта глубина учености ничтожала меня; я благоговѣлъ передъ Академіею, я боялся ея. Отъ одного имени Академіи вѣяло для меня атмосферою самой густой учености. Увѣряю, что я не смѣлъ и помыслить что-либо дерзкое и унижительное даже о послѣднемъ студентѣ; да тамъ и не можетъ быть послѣднихъ, гдѣ всѣ первые. Вѣдь туда посылаются лучшіе ученики семинаріи; они слушаютъ лучшія лекціи лучшихъ наставниковъ, читаютъ лучшія книги французскія и нѣмецкія; они сами пишутъ сочиненія для печати; они сочинители. А объ себѣ я всегда былъ самыхъ скромныхъ и смиренныхъ мыслей. Хоть я и зналъ и чувствовалъ, что я выше многихъ семинаристовъ, но вѣдь это въ семинаріи; въ Академіи дѣло другое. И въ семинаріи я смиренно уступалъ нѣкоторымъ, напр., Степану ¹⁾, который, по правдѣ, былъ выше насъ всѣхъ цѣлою головою, догнать его намъ было трудно; а Осипычъ ²⁾ былъ весьма даровитъ и много обѣщалъ въ будущемъ. Я не знаю даже, рискнулъ ли бы я самъ по себѣ итти волонтеромъ въ Академію безъ постороннихъ совѣтовъ: такъ я боялся Академіи. Но вотъ, спасибо судьбѣ: она долго не заставляла меня думать о себѣ и распоряжаться своею будущностію; она на долго взяла меня подъ опеку. Я пошелъ въ Академію по назначенію начальства и, разумѣется, былъ радъ тому. Но какъ я выдержу экзаменъ? примутъ ли меня? и если примутъ, то не слишкомъ ли далеко отлучать меня отъ товарищей, что было бы весьма стыдно и обидно?—вотъ вопросы, которые сильно тревожили меня.

И вотъ, занятый такими вопросами и немного исхудавшій отъ болѣзни, ѣду я либо на волдынскомъ Васильѣ ³⁾, либо на сосѣдѣ Сергѣѣ, на простой телѣгѣ въ одну лошадь, по своей дорогѣ, по которой уже ѣздилъ шесть лѣтъ ⁴⁾. День былъ хорошій, теплый и свѣтлый (14-го августа 1840 г.). Лавра гудѣла вечернимъ звономъ наканунѣ Успенія. Я съ трепе-

¹⁾ Степанъ Ивановичъ Зерновъ; о немъ ниже.

²⁾ Алексѣй Осиповичъ Ключаревъ; о немъ ниже.

³⁾ Изъ села Волдынскаго вблизи Дмитрова.

⁴⁾ Изъ Дмитрова въ Виѣанскую семинарію.

томъ вѣхалъ въ монастырь и вошелъ въ Академію. Чтобы имѣть какого-нибудь руководителя на первомъ шагу и имѣть какую-нибудь точку опоры въ этомъ совершенно новомъ для меня мірѣ, я отыскалъ одного старшаго студента изъ вианцевъ, съ которымъ я былъ хорошъ и прежде, Михаила Егоровича Озерова ¹⁾. Онъ распорядился, и я на время поселился въ 9-мъ номерѣ, гдѣ собрались уже нѣкоторые мои товарищи. Здѣсь я и прожилъ до конца экзамена, послѣ котораго мнѣ назначено было жить въ 10-мъ номерѣ, гдѣ моимъ старшимъ былъ Николай Никол. Тихомировъ (нынѣ священникъ у Успенья въ Казачьей) ²⁾.

Вотъ вижу на другой день множество новыхъ, незнакомыхъ для меня лицъ. Тутъ были тверитяне, ярославцы, костромичи, казанцы, симбирцы, астраханцы, сибиряки, кавказцы, изъ польскихъ губерній, перешедшіе изъ уни,—однимъ словомъ, представители половины Россіи. Нѣкоторые были осторожны или дики и не спѣшили знакомиться, другіе же знакомились скоро и безъ особенныхъ церемоній; между ними скорѣе всѣхъ сдѣлался пріятелемъ москвичей и насъ вианцевъ Флавій Вас. Скабовскій, изъ Володимира, знатный и милый малый. Но сначала долго не сливалось наше общество; оно раздѣлялось на малые корпораціи между земляками. Уже послѣ, когда насъ окончательно расселили по номерамъ и мы начали ходить въ классы, мы начали сближаться и сдружаться, смотря по обстоятельствамъ и характерамъ. Но москвичи въ нашемъ курсѣ во все время оставались довольно отдѣльнымъ и заключеннымъ обществомъ, т. - е. знали только между собою. Не чуждались они и иногородныхъ, но собственное ихъ общество не расплывалось. Нѣкоторые, кажется, даже считали для себя честію и счастіемъ сближаться съ москвичами; но я до этого не унижался, потому что какъ ни мало я о себѣ думалъ, но былъ гордъ и щекотливъ, и не захотѣлъ бы искать мѣста въ обществѣ поклонами, ухаживаньемъ и угодничествомъ.

Мои товарищи по семинаріи, поступившіе со мной въ Академію, были слѣдующіе: Степанъ Ивановичъ Зерновъ (нынѣ священникъ у Николы въ Студенцахъ) ³⁾; Алексѣй Осипычъ Ключаревъ (нынѣ свящ. у Казанской у Калужскихъ воротъ) ⁴⁾; Петръ Петровичъ Счастневъ (умеръ передъ окончаніемъ академическаго курса); далѣе я; за мной слѣдовали волонтеры: Василій Ивановичъ Куняевъ (умеръ въ

¹⁾ См. о немъ ниже.

²⁾ Магистръ тринадцатаго курса.

³⁾ По окончаніи академическаго курса два года состоялъ бакалавромъ Академіи; въ 1846 году вышелъ въ Москву во священники; скончался въ 1885 году (протоіереемъ Николаевской церкви на Арбатѣ) во время совершенія съ митроп. Іоанніемъ литургіи, по приобщеніи св. Христовыхъ таинъ.

⁴⁾ Впослѣдствіи Амвросій, архіепископъ Харьковскій; ум. въ 1901 году.

Варшавѣ на профессіи); Михаилъ Ивановичъ Протопоповъ (передъ окончаніемъ курса сошелъ съ ума, теперь пьетъ, ходитъ вѣчнымъ жидомъ и собираетъ гривенники у товарищей); Евгенийъ Ивановичъ Кедровъ (свящ. у Аѳанасія и Кирилла).— Москвичи нашего курса были: Ипполитъ Михайловичъ Богословскій (священникъ у Успенія на Могильцахъ); Семенъ Ивановичъ Протопоповъ (нынѣ архимандритъ Серафимъ, профессоръ Казанской Академіи)¹⁾; Сергѣй Константиновичъ Смирновъ (бакалавръ Моск. Академіи доннынѣ)²⁾; Павелъ Алексѣевичъ Некрасовъ (умеръ на профессіи въ Тамбовѣ); Платонъ Николаевичъ Поповъ (умеръ субъ-инспекторомъ въ Москов. семинаріи), Василій Ивановичъ Романовскій (свящ. у Пятницы на Пятницкой); Иванъ Ефимовичъ Свѣтовидовъ (свящ. у Николы Красный Звонъ); Теофилактъ Ив. Кротковъ (протопопъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ); Павелъ Алексѣевичъ Троепольскій (нынѣ О. Платонъ, въ Каменецъ-Подольской семинаріи)³⁾. Кажется всѣ. Оказалось, что всѣ были люди прекрасные и благородные. Одинъ С. Ив. Протопоповъ чувствовалъ въ себѣ теченіе особенной, какой-то фамильной крови, и серьезно доказывалъ это другимъ товарищамъ. Былъ еще одинъ москвичъ, Иліодорычъ, который походилъ на сумасшедшаго и скоро воротился домой.

Нашъ курсъ по Академіи былъ четырнадцатый (13-го августа 1855 г.)⁴⁾.

Нашъ пріемный экзаменъ продолжался недѣли двѣ, за 1-е сентября; мы написали три экспромпта, отвѣчали по философіи и богословію. Вотъ все кончилось, и мы съ трепетомъ ожидали рѣшенія своей судьбы. Вотъ и рѣшеніе сдѣлалось извѣстнымъ: нѣкоторымъ любителямъ просвѣщенія надо было воротиться на милую родину, а мы остались въ Академіи, чтобы, наконецъ, узнать и убѣдиться, что для того, чтобы быть умнымъ, не надобно непременно говорить умно, а только не надо говорить глупостей, или говорить ихъ какъ можно

¹⁾ Умеръ архіепископомъ Самарскимъ 11-го янв. 1891 г.; по окончаніи курса въ Академіи былъ назначенъ бакалавромъ въ Казанскую Академію, въ которой и принялъ монашество. О. Дим. Ив. Кастальскій былъ сослуживцемъ его въ Казани. Въ одномъ мѣстѣ своихъ «Записокъ» онъ пишетъ о немъ: «Съ о. Серафимомъ, т.-е. съ Сем. Иван., мы часто ссорились. Главный порокъ его—гордость и убѣжденіе, что въ немъ течетъ кровь княжеская (онъ производитъ себя отъ какого-то князя), а во всѣхъ прочихъ кровь мужицкая. А впрочемъ, онъ былъ человекъ благонравный. Онъ меня училъ французскому языку и былъ очень сердитъ въ этомъ случаѣ. Я былъ довольно терпѣливъ съ нимъ, но иногда тоже доходилъ до грѣха». (2 т., л. 183). Въ 1854 г. Серафимъ изъ инспекторовъ Казанской Академіи былъ назначенъ ректоромъ Симбирской семинаріи, а въ 1856 г.—Тверской; въ 1866 г.—епископъ Старорусскій, въ 1869—Смоленскій, въ 1874—Рижскій и, наконецъ, въ 1877—Самарскій.

²⁾ Впоследствии ректоръ Московской Академіи.

³⁾ По окончаніи академическаго курса магистромъ былъ назначенъ профессоромъ Подольской семинаріи, гдѣ и принялъ монашество; въ 1853 г.—инспекторъ Полтавской семинаріи и потомъ Харьковской; въ 1857 г.—ректоръ Владимірской семинаріи; въ 1860—Петербургской; въ 1864 г.—епископъ Екатеринославскій; въ 1868—Томскій; умеръ въ 1876 г.

⁴⁾ Годъ и число, когда о. Кастальскій писалъ свои воспоминанія.

меньше. Все равно и для того, чтобы получить репутацию добраго человѣка, часто не надо дѣлать добра, а только не надо дѣлать положительнаго зла. И этого довольно по условіямъ настоящаго времени. Я не зналъ, какимъ по числу меня приняли; только, кажется, не ниже 15-го, потому что нѣкоторые говорили, что 12-мъ, нѣкоторые 9-мъ. Довольно и того.

Вотъ началось и ученье, начались лекціи. Вотъ предметы и преподаватели нашего младшаго курса: Θεодоръ Александровичъ Голубинскій читалъ намъ метафизику и исторію древней философіи; Матвѣй Ивановичъ Салминъ ¹⁾ логику и исторію новой философіи; Иванъ Иларіоновичъ Косминъ ²⁾, а послѣ него Платонъ Ивановичъ Капустинъ ³⁾,—психологию и нравственную философію; Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ—словесность во всемъ объемѣ, т.-е. эстетику, прозу, поэзію, литературу; Иванъ Алексѣевичъ Смирновъ-Платоновъ ⁴⁾—всеобщую и русскую исторію. Кто слушалъ исторію, тотъ въ наше время не слушалъ математики, и наоборотъ. Теперь не такъ: теперь всѣ слушаютъ все. Математику читалъ всегда Петръ Спиридоновичъ Делицынъ; физику—Александръ Сергѣевичъ Терновскій (переведенный изъ Виенны) ⁵⁾, а послѣ него Платонъ Иван. Капустинъ. Нѣмецкій языкъ читалъ Θεодоръ Александровичъ; французскій Петръ Спиридоновичъ; греческій Василій Сергѣевичъ Соколовъ (свящ. у Мартина Исповѣдника) ⁶⁾. Баккалавръ іером. Агаѳангель ⁷⁾ читалъ Св. Писаніе.

Θеодоръ Александровичъ былъ главою наставниковъ, столпомъ Академіи и патріархомъ философовъ. Онъ самъ былъ воспитанникомъ Академіи 1-го курса, и всѣ ректора и профессора были его ученики. Онъ потому пользовался великимъ уваженіемъ. Голосъ его былъ силенъ. Онъ говорилъ лекціи просто, внятно, не столько съ одушевленіемъ, сколько съ самоуглубленіемъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою. Зналъ

¹⁾ Магистръ одиннадцатаго курса Моск. Академіи; съ 1838 по 1844 г. бакалавръ философіи; въ 1844 г. выбылъ въ епархіальное вѣдомство и скончался въ 1869 году московскимъ священникомъ.

²⁾ Магистръ Киевской Академіи; бакалавромъ въ Моск. Академіи состоялъ въ 1835—1841 гг., въ 1841 г. сдѣланъ соборнымъ протоіереемъ Коломны и ректоромъ тамошнихъ духовныхъ училищъ; умеръ въ 1854 г.

³⁾ Магистръ двѣнадцатаго курса Моск. Академіи (1836—1840 г.); до 1842 г.— профессоръ Тобольской семинаріи; съ 1842 г. до 1851—бакалавръ Моск. Дух. Академіи сначала по философіи, а потомъ по математикѣ; съ 1851 г.— московскій священникъ; скончался протоіереемъ Петропавловской въ Басманной церкви въ 1890 г., извѣстенъ своими учеными математическими сочиненіями.

⁴⁾ См. о немъ ниже въ статьѣ С. И. Кедрова: «Студенты - платоники въ Академіи».

⁵⁾ Магистръ десятаго курса Моск. Дух. Академіи (1832—1836 гг.); бакалавромъ въ Академіи состоялъ съ 1837 г. по 1844, когда сдѣлался московскимъ священникомъ; скончался въ санѣ протоіерея Московск. Казанскаго собора въ 1877 г.

⁶⁾ Магистръ девятаго курса Моск. Дух. Академіи (1830—1834 гг.); бакалавромъ состоялъ въ 1834—1842 гг., скончался въ 1862 году священникомъ названной церкви.

⁷⁾ О немъ см. выше стр. 60.

онъ бездну, но блестять не любилъ и не увлекалъ молодыхъ слушателей; съ большимъ вниманіемъ стали бы его слушать люди болѣе разумные и знающіе. Особенно онъ любилъ распространяться о древней философіи, объ индійцахъ и китайцахъ, о Платонѣ. Часто онъ приносилъ съ собою большую охапку книгъ, чтобы вычитывать изъ нихъ тѣ мѣста, которыя ему нравились. Имѣлъ онъ обыкновеніе передъ лекціей прочитывать главу изъ Соломона и Сираха. Собственная его философія не отличалась оригинальностью, но зато вездѣ дышала благочестіемъ и чистою нравственностію, такъ что справедливо ее можно назвать благочестивою философіею. Должно замѣтить еще, что онъ былъ весьма остороженъ въ словахъ, боялся говорить намъ много о новыхъ нѣмецкихъ системахъ, хотя зналъ ихъ весьма основательно. Правда, читалъ онъ намъ о Гегелѣ, но не далъ полного понятія о немъ, потому что читалъ одну логику Гегеля. Онъ, кажется, боялся, чтобы мы не увлеклись новыми воззрѣніями. Мы думали, что и самъ онъ имѣетъ же какія-нибудь особенныя убѣжденія, которыхъ не высказывалъ. Но то несомнѣнно, что онъ былъ нелицемѣрно благочестивъ и воистину христіанскій философъ. Система его была эклектическая, и по характеру больше идеальная. Выражался онъ довольно медленно; голосъ его былъ нѣсколько дикій и неровный басъ, что давало его декламации нѣкоторую торжественность. Мнѣ кажется, что онъ съ своей дикціей прекрасно бы представлялъ собою древняго жреца или друида (14 августа 1855).

Этотъ человекъ былъ весьма замѣчательный и извѣстный. Слава его разошлась далеко по Россіи и за Россію, потому что онъ переписывался съ многими нѣмецкими учеными. Можетъ-быть, она дойдетъ и до васъ ¹⁾, и я желалъ бы, чтобы вы имѣли полное почтеніе къ его великой памяти. Его близорукость, его удивительная способность забывать все внѣшнее и жить только внутри себя были причиною многихъ забавныхъ случаевъ; тѣмъ не менѣе о немъ можно говорить только серьезно и съ почтеніемъ. Онъ зналъ въ совершенствѣ древнюю классическую литературу, новую нѣмецкую и французскую, древнюю и новую философію, многихъ св. отцовъ, глубоко изучилъ Св. Писаніе; но свои познанія не высказывалъ; свои мнѣнія выражалъ нерѣшительно, осторожно и какъ бы неискренно; но всѣ чужія мнѣнія онъ зналъ основательно, разумѣется, ученыя. Жаль, что онъ не оставилъ ни одного памятника, который бы сколько-нибудь полно выражалъ его многообъемлющую ученость. У меня есть нѣсколько его записокъ, но онѣ писаны не мною, а по найму, и въ нихъ много ошибокъ. Θεод. Ал. прежде былъ въ великой силѣ; потомъ

---

¹⁾ Обращеніе къ дѣтямъ автора записокъ.

онъ болѣе и болѣе терялъ авторитетъ; послѣ нашего курса даже и студенты были имъ недовольны, потому что онъ не хотѣлъ, да и не могъ быть занимательнымъ для молодыхъ головъ, набравшихся нѣсколько западныхъ идей. Однажды этотъ Θεод. Ал. по ошибкѣ зашелъ въ мою квартиру въ Москвѣ, вмѣсто квартиры своего родственника, изъ которой сейчасъ только вышелъ. Моя жена была одна и весьма испугалась той смѣлости, съ какою Т. А., не замѣчая своей ошибки, шелъ въ дальнія комнаты мимо нея (она его не знала). Наконецъ, онъ увидѣлъ свою ошибку и просилъ извиненія. Вѣчная тебѣ память и глубокое почтеніе твоей памяти, достопочтенный Θεодоръ Александровичъ. Ты былъ богатъ мыслию и знаніемъ, а не любилъ хвалиться твоимъ великимъ богатствомъ; нынѣ другой вѣкъ: нынѣ души скудныя умомъ и познаніемъ любятъ щеголять скорѣе слѣпымъ сужденіемъ и поверхностнымъ, а часто и просто фальшивымъ знаніемъ, просто шарлатанствомъ. Какъ велика твоя почтенная тѣнь передъ этими маленькими умниками ¹⁾.

Другой наставникъ, который больше всѣхъ имѣлъ на насъ вліяніе и больше всѣхъ занималъ насъ, это былъ Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ, бакалавръ словесности, теперь орд. профессоръ. Онъ блестѣлъ свѣтскимъ краснорѣчіемъ, остротами. Лекціи всегда говорилъ безъ тетрадки, импровизировалъ. Рѣчь его была кругла, складна, отдѣлана начисто и щегольски. Лекціи его блестѣли свѣтлыми, иногда новыми для насъ мыслями, утѣшали насъ остротами, не чужды были

¹⁾ Въ своихъ «Запискахъ» о. Д. И. Кастальскій приводитъ слѣдующія біографическія свѣдѣнія о Т. А. Голубинскомъ:

«Теодоръ Александровичъ родился въ Костромѣ 1797 г. 22-го дек. Отецъ его былъ сначала псаломщикомъ, потомъ священникомъ въ Костромѣ. Въ 1806 г. Т. А. поступилъ въ Костромскую семинарію. Въ 1813 г. опредѣленъ информаторомъ греческ. языка въ Костр. семинарію. Въ 1814 г. поступилъ студентомъ въ открывшуюся Моск. Академію. Онъ и Петръ Спиридоновичъ первые студенты 1-го курса. Въ 1818 г. кончилъ курсъ магистромъ и опредѣленъ бакалавромъ философскихъ наукъ въ Москов. Академію. Въ 1820 опредѣленъ членомъ Конференціи, и поручено ему читать нѣмецкій языкъ. Въ 1822 г. сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ. Въ 1824 г. ординарнымъ профессоромъ философ. наукъ. Въ 1826 г. опредѣленъ членомъ Комитета цензуры духовн. книгъ. Въ 1828 г. рукоположенъ во священника (Вознесенскаго монастыря). Въ 1829 произведенъ въ протоіереи и опредѣленъ членомъ Академ. правленія.

Въ 1830 г. получилъ скуфью.

Въ 1835 г. получ. камилавку.

Въ 1839 г. получ. наперсный крестъ.

Въ 1846 г. орденъ Анны 3-ей степени.

Въ 1849 г. орденъ Анны 2-ой степени.

Былъ членомъ Редакціоннаго Комитета по изданію твореній св. отцовъ; 4 раза назначаемъ былъ ревизоромъ семинаріи. Кромѣ того, былъ членомъ С.-Петербургскаго Археологическаго и Копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ. Въ супружествѣ имѣлъ Анну Ивановну, сестру Вас. Ивановича Кутневича, который былъ профессоромъ самого Θεодора Александровича, и потомъ сдѣланъ оберъ-священникомъ. Имѣлъ 3-хъ сыновей и одну дочь. Овдовѣлъ въ наше время 1840—44 г. Въ 1852 г. два сына его умерли одинъ за другимъ; это потрясло его здоровье: онъ ослабѣлъ въ ногахъ. Умеръ (отъ холеры) въ 1854 г. 22 августа, на 57 г. отроду, въ Костромѣ, куда пріѣхалъ для посѣщенія родственниковъ и могилъ родителей. Послѣ Θεод. Александровича остался одинъ сынъ; онъ бакалавромъ математики въ Академіи» (разумѣется, Д. Т. Голубинскій).

и философіи. И если теперь онъ показались бы намъ не очень богатыми по содержанію, то въ ту пору, когда занимала насъ болѣе импровизація, чѣмъ мысль, болѣе образы, нежели содержаніе, тогда ничто не могло намъ столько нравиться, какъ такія лекціи. Жаль только, что въ нихъ мало было исторіи литературы. И хотъ Егоръ Васильевичъ не можетъ быть такъ великъ и богатъ, какъ Θεодоръ Александровичъ, хотъ, конечно, не былъ такъ прямъ и честенъ,—конечно, щеголялъ и шарлатанилъ подчасъ, а все же ему моя благодарность: я чувствовалъ, что его вліяніе развивало меня немало ¹⁾.

Остальные предметы шли у насъ вообще удовлетворительно, кромѣ развѣ математическаго факультета и языковъ, классы которыхъ въ Академіи были часто пусты. Но вообще всѣ предметы, даже языки и математика, имѣли своихъ любителей и посѣтителей. Я любилъ исторію и преподавателя ея ²⁾. Онъ читалъ намъ по Лоренцу. Логику читали ³⁾ намъ по Бахману; психологію ⁴⁾, не знаю, по какимъ руководствамъ (16-го августа 1855).

Въ Академіи еще болѣе, чѣмъ въ семинаріи, мы занимались сочиненіями. И сочиненія въ нашей Академіи писались огромныя. Сочиненіе въ 3 листа было маленькое; писали отъ пяти до 20 и болѣе листовъ. И писали ихъ по 2, по 3 и болѣе мѣсяцевъ, хотъ всегда давали ихъ только на одинъ мѣсяць. Нѣкоторые подавали одно сочиненіе во весь годъ, а иногда половину

Въ тѣхъ же «Запискахъ» приведены стихи, написанные Θεодоромъ Александровичемъ за 5-ть недѣль до его смерти, къ роднымъ:

Уже мои слабѣютъ силы,
Языкъ тупѣетъ, ноги хилы,
Я пересталъ ходить
Въ урочный часъ другихъ учить;
Ищу досуга самъ учиться,
Какъ съ грѣшнымъ міромъ распоститься...
Полвѣка я наукамъ посвятилъ,
Въ гостиницѣ земной довольно погостилъ,
Пора вставать и въ путь собираться!
Пора домой, не вѣкъ скитаться.
Пусть тою же, какъ я, тропой
Въ цвѣтникъ наукъ во слѣдъ за мной
Походитъ сынъ любезный мой!
А я ужъ плугъ повѣсилъ свой.

¹⁾ Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ родился въ 1815 г.; окончилъ курсъ въ Петербургской Дух. Академіи и съ 1839 г. занималъ въ Моск. Дух. Академіи катедру эстетики и словесности; скончался въ 1888 году. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ однимъ изъ даровитыхъ профессоровъ Моск. Академіи и имѣлъ огромное вліяніе на студентовъ «Е. В. Амфитеатровъ, — пишетъ прот. Г. П. Смирновъ-Платоновъ, — обладалъ счастливою способностью претворять въ свою собственность все, что встрѣчалъ на своемъ пути изъ богатыхъ иностранныхъ литературъ, и характеристики явленій и личностей изъ міра искусствъ и литературы, заимствованныя изъ писателей французскихъ и нѣмецкихъ, казались его собственными произведеніями» («Curriculum vitae. Изъ области воспоминаній и мечтаній». Москва, 1885, стр. 34). Но съ теченіемъ времени Е. В. Амфитеатровъ уже не сталъ удовлетворять студентовъ. Изъ его печатныхъ произведеній извѣстно: «Общій характеръ священной поэзіи евреевъ (Прибавл. къ Твор. св. отц., 5).

²⁾ Иванъ Алексѣевичъ Смирновъ-Платоновъ.

³⁾ Матв. Ив. Салминъ.

⁴⁾ Ив. Ил. Козминъ и Пл. Ив. Капустинъ.

одного. И черезъ это ничего не терялось, если сочиненіе рекомендовало сочинителя. Сочиненія мы писали и днемъ, и по ночамъ, и во время классовъ, позволяя себѣ не ходить на нѣкоторые предметы. Передъ сочиненіемъ и для сочиненія прочитывалась бездна книгъ, разумѣется, смотря по охотѣ и возможности,—латинскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ. Нельзя уже было много писать только изъ своего собственнаго чрева, хотя и тутъ многіе, а часто и самъ я, пользовались только собственнымъ природнымъ источникомъ. Это было еще возможно на младшемъ курсѣ, но на старшемъ непременно надо было читать и читать много.

Мои сочиненія не отличались величиною: я писалъ отъ 3-хъ до 6-ти листовъ, кромѣ курсоваго сочиненія, которое было больше. На младшемъ курсѣ я писалъ сочиненія: *cognitio sui ipsius est quam maxime necessaria philosopho* Θεодоръ Александровичъ подписалъ подъ нимъ: Optime; но я подозрѣваю, что онъ совсѣмъ не читалъ его. Второе сочиненіе было опять латинское *de Trichotomia*, т. - е. о томъ, двѣ или три составныя части въ существѣ человѣческомъ. Это сочиненіе, я слышалъ, было одобрено Иваномъ Иларіоновичемъ¹⁾. Объ идеяхъ Платона—сочиненіе, испещренное множествомъ цитатъ и греческихъ выписокъ, взятыхъ изъ какого-то нѣмецкаго сочиненія о томъ же предметѣ. Судьбы и репутаціи этого сочиненія не знаю. На второмъ году я писалъ о причинахъ крестовыхъ походовъ; сочиненіе вышло довольно хорошее;—и о характерѣ греческаго искусства; сочиненіе было написано почти начисто изъ собственнаго чрева, въ два-три вечера; оно имѣло, однако, блестящій успѣхъ не по содержанію, а по изложенію: оно написано было довольно бойко; я былъ въ счастливомъ расположеніи, въ ударѣ, когда писалъ его. Амфитеатровъ читалъ его въ классѣ. Еще довольно большое сочиненіе я написалъ о душепереселеніи, и оно мнѣ нравилось; я писалъ его съ любовью. Въ немъ я изложилъ нѣсколько любимыхъ моихъ тогдашнихъ идей. Судьбы этого сочиненія тоже не знаю. Эрудиціи въ немъ было, впрочемъ, немного, а больше собственнаго философствованія. Насъ оцѣнивали по сочиненіямъ, и мы сидѣли за ними съ большимъ усердіемъ, чѣмъ иной настоящей ученый авторъ. Рецензія бакалавра или профессора была то же, что судъ публики для автора. Къ концу перваго года я былъ въ спискѣ шестымъ; къ концу втораго года—четвертымъ и четвертымъ перешелъ на старшій курсъ.

Такимъ образомъ осенью 1842 года я переселился въ 4-й номеръ изъ 10-го, изъ новаго корпуса въ старый. Я былъ сдѣланъ старшимъ номера.

¹⁾ Бакалавромъ психологіи, Косминимъ.

Проф. церковной истории **Александръ Васильевичъ Горскій** въ 1843—1844 гг. (Срисоваль на лекціяхъ Д. И. Кастальскій).

Ректоръ Моск. Дух. Академіи архимандритъ **Филаретъ** (Гумилевскій). Съ рисунка Д. И. Кастальскаго.

Проф. протоіерей **Теодоръ Александровичъ Голубинскій** на кафедрѣ.

Проф. **Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ**.

Проф. **Сергій Константиновичъ Смирновъ**.

Нашими наставниками были: ректоръ архимандритъ Евсеvей, читаль догматику; инспекторъ архимандритъ Евгений, Св. Писаніе; бакалавръ іером. Іоаннъ — нравственное и пастырское богословіе; іером. Иларіонъ — патристику; Иванъ Николаевичъ Аничковъ — каноническое право и гомилетику; греч. языкъ — свящ. Петръ Кузьмичъ Славолубовъ ¹⁾; еврейскій языкъ — Александръ Кирилловичъ Соколовъ. А самый замѣчательный изъ профессоровъ былъ орд. проф. церковн. исторіи Александръ Васильевичъ Горскій. Профессоръ заслуженный и давнишній, хорошо овладѣвшій своимъ предметомъ. Онъ кончилъ курсъ въ 7-мъ или 8-мъ курсѣ Академіи. Его-то больше всего и всѣхъ мы и слушали. Церковную исторію онъ читаль, кажется, болѣе всего по Неандеру; русскую онъ разрабатываль самъ, и надо полагать, теперь у него она разработана много. Онъ весьма трудолюбивъ. О. Іоаннъ, молодой бакалавръ, блисталъ мѣсяца два своими чтеніями, потомъ, кажется, сталъ презирать и насъ, и уроки, и пробавлялся на лекціяхъ какими-нибудь готовыми сочиненіями или возраженіями ²⁾. Многоученный, тоже молодой бакалавръ, Аничковъ ³⁾ хотѣлъ блистать своей эрудиціей, но занимателенъ не былъ. Онъ жаловался на насъ, что мы больше утѣшаемся цвѣточками, а не тѣми тяжеловѣсными свѣдѣніями, которыя онъ сообщалъ намъ. О. Иларіонъ, третій молодой бакалавръ, былъ, кажется, тяжестью для самой Академіи: былъ очень неспособенъ. Однако я любилъ его слушать, потому что предметъ его былъ исторической, а я вообще любилъ исторію ⁴⁾. О. Евгений часто читаль хорошенькія объясненія Св. Писанія ⁵⁾. О. ректоръ былъ довольно скученъ, сказать по правдѣ. Онъ и самъ зѣваль на своихъ лекціяхъ. Не знаю, каковъ бы показался намъ Филаретъ ⁶⁾, его предшественникъ. Онъ былъ ученъ, но, вѣроятно, сухъ; а о. Евсеvей былъ только великій схоластикъ, раскладываль положенія и доказательства по цифрамъ, и чрезвычайно

---

¹⁾ Магистръ Девятаго курса Моск. Дух. Академіи (1830—1834 гг.); въ 1384—1844 гг. бакалавръ Академіи; скончался Московскимъ священникомъ въ 1848 г.

²⁾ Іоаннъ (мірское имя—Владиміръ Сергѣевичъ Соколовъ; см. о немъ ниже), еп. Смоленскій; изъ Московской семинаріи, магистръ тринадцатаго курса Моск. Академіи (1838—1842 гг.), при которой былъ оставленъ бакалавромъ нравственного и пастырскаго богословія; въ 1844—1854 состоялъ профессоромъ каноническаго права въ Петербургской Академіи; въ 1855 г. былъ назначенъ ректоромъ Петербургской семинаріи, а въ 1857 г. ректоромъ Казанской Академіи; съ 1864 былъ ректоромъ Петербургск. Академіи; въ 1866 году сдѣланъ епископомъ Смоленска, въ которомъ скончался 1869 въ году. Извѣстенъ какъ ученый канонистъ и талантливый проповѣдникъ.

³⁾ См. о немъ въ нижеуказанной статьѣ С. И. Кедрова.

⁴⁾ Иларіонъ (Боголюбовъ), магистръ тринадцатаго курса (1838—1842 гг.); бакалавръ патристики въ 1842—1848 гг.; въ 1848 г. былъ назначенъ ректоромъ Воронежской семинаріи; скончался архимандритомъ Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря въ 1866 году.

⁵⁾ Сахаровъ-Платоновъ, см. о немъ ниже въ статьѣ С. И. Кедрова.

⁶⁾ Гумилевскій, вполнѣдствіи архіеп. Черниговскій.

утомлялъ своимъ счетомъ: во-первыхъ, во-вторыхъ... иногда дѣло доходило до двадцатыхъ ¹⁾).

Наставники Академіи передъ нашимъ поступленіемъ въ Академію и при переходѣ на старшій курсъ смѣнялись; потому при насъ были и такіе наставники, которые не упомянуты при исчисленіи другихъ, потому что мы ихъ не слушали. А я хочу познакомить васъ, сколько можно, съ большимъ числомъ лицъ. Нѣкоторые, можетъ-быть, будутъ и знаменитостями, когда вы ²⁾ начнете жить.

Передъ нашимъ поступленіемъ въ Академію вышелъ, кажется, одинъ бакалавръ Николай Андреевичъ Рудневъ, сочинитель исторіи о расколахъ. Нынѣ онъ священникомъ у Егорія въ Грузинахъ ³⁾. Пока мы были на младшемъ курсѣ, на старшемъ были лица, которыя уже ушли отъ насъ; именно: ректоръ Филаретъ, красавецъ собою, весьма ученый богословъ, о которомъ уже сказано. Онъ поѣхалъ въ Ригу въ епископа. О. Платонъ (Фивейскій) былъ бакалавромъ канон. права и отправился въ Казань въ ректора семинаріи, потомъ былъ въ Тамбовѣ, теперь во Владимірѣ ⁴⁾. О. Агаѳангель. Онъ читалъ обоимъ курсамъ, стало-быть, и намъ—Св. Писаніе; онъ былъ потомъ ректоромъ въ Костромѣ, теперь въ Казанской Академіи. Феодоръ Васильевичъ Флоринскій былъ бакалавромъ еврейскаго языка: теперь свящ. въ Новинскомъ монастырѣ. Когда мы перешли на старшій курсъ, изъ предыдущаго, 13-го курса, 5-ть человекъ поступили въ бакалавры: Аничковъ, теперь свящ. у Космы и Даміана въ Шубинѣ, на Тверской ⁵⁾; о. Іоаннъ, прежде Владиміръ Сергѣевичъ Соколовъ, нынѣ инспекторъ С.-Петербур. Академіи, сочинитель «Опыта курса каноническаго права», о. Иларіонъ, нынѣ,

¹⁾ Евсевій Орлинскій, магистръ восьмого курса Моск. Академіи (1828—1832 гг.), былъ ректоромъ Академіи въ 1841 г.; въ 1847 г. былъ переведенъ ректоромъ въ Петербургскую Академію; въ 1850—1856—епископъ Самарскій; потомъ Иркутскій (—1860), и наконецъ—архіепископъ Могилевскій; скончался въ 1883 г.; напечаталъ много бесѣдъ и поученій и другихъ сочиненій назидательнаго характера.

²⁾ Обращеніе къ дѣтямъ.

³⁾ Магистръ десятаго курса (1832—1836 гг.); съ 1836 до 1837 г. профессоръ словесности въ Москов. семинаріи и потомъ бакалавръ Московской Академіи по кафедрѣ еврейскаго языка и гражданской исторіи; въ 1840 г. перешелъ въ Москву во священники и скончался протоіереемъ въ 1876 г. О мытарствахъ, которымъ подвергалась его диссертация «О ересяхъ и расколахъ въ русской Церкви», см. у С. К. Смирнова, «Ист. М. Дух. Акад.», 216 и сл.

⁴⁾ Магистръ девятаго курса Моск. Академіи (1830—1834); по окончаніи курса былъ оставленъ въ Академіи бакалавромъ церковной словесности; въ 1842 году былъ назначенъ ректоромъ Казанской семинаріи; потомъ былъ ректоромъ Орловской (съ 1843), Тамбовской (съ 1847 г.) и Владимірской (съ 1852 г.) семинарій; въ 1856 г.—епископъ Старорусскій; въ 1857 г.—епископъ, а съ 1868 г. архіепископъ Костромской; скончался въ 1877 г. Изъ его ученыхъ трудовъ болѣе извѣстно «Православное нравственное богословіе», бывшее долгое время учебникомъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Архіепископъ Платонъ (мірское имя—Павель) родной братъ извѣстнаго профессора Московской Академіи Петра Симоновича Казанскаго (ум. въ 1878 г.) и Московскаго протоіерея Михаила Симоновича Боголюбскаго.

⁵⁾ При этой церкви и скончался протоіереемъ въ 1868 году; магистръ одиннадцатаго курса (1834—1838 гг.); бакалавромъ состоялъ въ 1838—1844 гг.

кажется, ректоръ въ Воронежѣ; Петръ Симоновичъ Казанскій¹⁾, бакалавръ всеобщ. исторіи еще и нынѣ, и кромѣ того, членъ Общества Исторіи и Древностей; Александръ Кирилловичъ Соколовъ—нынѣ священникъ у Троицы-на-Грязяхъ²⁾. Товарищи ихъ: Николай Вас. Минервинъ (нынѣ свящ. Космы и Даміана въ Садовникахъ, ³⁾, Наанаиль Петровичъ Соколовъ, ⁴⁾ Петръ Устинычъ Палимпсестовъ⁵⁾—поѣхали въ бакалавры въ Казанскую Академію.

Сказано уже, что на старшемъ курсѣ надо было читать много для сочиненій, а особенно для курсового сочиненія, которое давалось на цѣлый годъ и которое окончательно рѣшало нашу судьбу. Здѣсь я написалъ латинское сочиненіе о томъ, какимъ образомъ воскресеніе Іисуса Христа доказываетъ его Божественность; потомъ русское о пророческомъ служеніи пророка Іереміи, для Александра Васильевича. Я написалъ только одну половину сочиненія, другая осталась за мною; какую репутацію пріобрѣли мнѣ оба эти сочиненія—не знаю. Но сочиненіе о нравственномъ характерѣ книги Екклезіастъ, читанное о. Іоанномъ, котораго, по нѣкоторымъ причинамъ, я не могъ считать своимъ благожелателемъ, имѣло немалый успѣхъ. О. Іоаннъ, говорятъ, расхвалилъ его. Я и самъ былъ доволенъ имъ. Этого сочиненія, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ, у меня не сохранилось: одно подарилъ Неводчикову, другія не знаю куда дѣвались. Написано было еще три или четыре проповѣди: двѣ изъ нихъ были очень одобрены о. Евгениемъ и одна разругана о. Іоанномъ. Въ концѣ 1843 года даны были предложенія для курсовыхъ сочиненій. Мнѣ досталось предложеніе о домашнемъ употребленіи Слова Божія въ первенствующей Церкви,—по предмету Александра Васильевича Горскаго. Александръ Васильевичъ далъ мнѣ нѣмецкую книжку, въ которой собраны были древнія свидѣтельства о томъ, что древніе хри-

¹⁾ Занималъ въ Московской Духовной Академіи катедру гражданской исторіи съ 1842 до 1874 г.; въ 1873 году публично защитилъ диссертацию на степень доктора богословія; скончался въ 1878 году. Перечень его ученыхъ трудовъ см. у С. К. Смирнова, «Ист. Моск. Дух. Акад.», стр. 130—133. Объ обстоятельствахъ его докторскаго диспута см. Горскій—Платоновъ П. И., «Голосъ стараго профессора» Москва, 1900, стр. 52—63; также см. ниже «Изъ писемъ къ родителямъ студента Московской Духовной Академіи начала семидесятыхъ годовъ».

²⁾ Состоялъ въ Академіи бакалавромъ съ 1842 г. до 1854.

³⁾ Состоялъ бакалавромъ Казанской Духовной Академіи по кафедрѣ греческаго языка и русской гражданск. исторіи съ 1842 до 1846 г.; умеръ протоіереемъ названной церкви въ 1885 г.

⁴⁾ Служилъ въ Казанской Духовной Академіи съ 1842 г. до 1872 г.; занималъ катедру философскихъ наукъ, а съ 1858 г. общей церковной исторіи. Д. И. Кастальскій въ воспоминаніяхъ о своей жизни въ Казани бакалавромъ говоритъ о немъ: «Наанаиль Петровичъ Соколовъ, великій хозяинъ и баринъ, ищущій пользы и умѣющей отовсюду извлекать ее». «Семейн. Зап.» II, л. 183.

⁵⁾ Занималъ въ Казанской Дух. Академіи катедру всеобщей исторіи съ 1842 до 1848 г., когда поступилъ на службу въ Министерство Финансовъ. Въ воспоминаніяхъ о. Д. И. Кастальскаго о немъ говорится: «Петръ Устиновичъ Палимпсестовъ помѣшанъ на своей учености и знакомствѣ съ знатными людьми, хотя очень хорошо понималъ и внутреннюю и внѣшнюю ограниченность свою».

стіане читали св. описаніе, или что имъ совѣтовали и внушали читать Св. Писаніе. Эту книжку мнѣ перевелъ братъ Иванъ Ивановичъ ¹⁾ ради скорости; онъ хорошо знаетъ нѣмецкій языкъ. Я перерылъ всѣхъ отцовъ и писателей Церкви, свѣрилъ свидѣтельства съ подлинниками, отыскалъ еще нѣсколько новыхъ, и началъ строить огромное зданіе сочиненія. И вышелъ у меня огромный и довольно пустой сарай, который, по руководству Александра Васильевича, я перестроилъ, укоротилъ, передѣлалъ, и изъ этого вышло курсовое сочиненіе, отправленное въ Синодъ, за которое мнѣ и дали степень магистра. Матеріалы этого сочиненія я недавно сталъ употреблять на оклейку, а самое сочиненіе въ первоначальномъ его видѣ еще и теперь лежитъ у меня въ картонѣ ²⁾.

Къ концу третьяго года академическаго ученія я былъ записанъ въ списокъ вторымъ, а къ окончанію курса—седьмымъ, каковымъ и имѣлъ честь кончить курсъ. Мое пониженіе немного (притомъ очень немного) зависѣло отъ того, что я послѣднюю треть прохворалъ, половину пролежалъ въ больницѣ и не былъ даже на послѣднемъ экзаменѣ. Я простудился и былъ въ лихорадкѣ отъ святой и до іюля. Настоящимъ мѣстомъ моимъ я считалъ пятое, и много-много четвертое. Хотя я и былъ вторымъ, но это зависѣло не отъ моихъ достоинствъ, а отъ того, что другіе, и именно Степанъ ³⁾ и Сергѣй Смирновъ, были не очень исправны. Когда-то одинъ студентъ пришелъ къ Θεодору Александровичу—онъ былъ обиженъ мѣстомъ—и говорилъ: «За что же, Θεод. Ал., вы меня понизили?»—Мы васъ не понижали,—говоритъ ему Θεод. Александровичъ,—васъ понизить не за что, вы хорошей студентъ; мы только повысили другихъ достойныхъ студентовъ. Вѣроятно, подобное было и тогда, когда я былъ вторымъ: не меня повысили, а другихъ понизили. Разумѣется, въ то время мнѣ было больно; каждое мѣсто было для насъ важно: второй не хотѣлъ быть третьимъ, а третій всегда желалъ быть вторымъ. Самолюбіе наше было развито до такой степени, что мы различали высоты списка по дюймамъ и дорожили каждымъ вершкомъ на этой ученой лѣстницѣ. Мы не понимали, что счастье жизни и будущность не зависятъ отъ списка. Былъ только тотъ расчетъ, что первые студенты могли надѣяться остаться при Академіи, или въ Москвѣ, или въ Виенѣ. А мнѣ очень не хотѣлось ѣхать въ Казань, которую мнѣ пророчили еще въ Академіи; я боялся дальности и климата казанскаго. Но, кажется, я не солгу, если скажу,

¹⁾ Родной братъ о. Д. И. Кастальскаго, старше его, съ 1841 Московскій священникъ церкви Дмитрія Солунскаго у Тверскихъ воротъ; получилъ образованіе въ Виенской семинаріи.

²⁾ Оно было напечатано о. Д. И. Кастальскимъ въ «Душепол. Чтеніи» за 1874 г. (іюль и августъ).

³⁾ Зерновъ.

что я всегда былъ самыхъ смиренныхъ мыслей о себѣ. Я умѣлъ признавать превосходство надъ собою и даже иногда увеличивалъ это чужое превосходство надъ собою болѣе настоящаго. Мнѣ всегда казалось, что я какъ-то не нарочно, по ошибкѣ, забрался такъ высоко въ списокъ академистовъ, что я заблудился. Но четвертымъ я быть могъ, и если бы былъ въ то время ректоромъ о. Евгеній, то, вѣроятно, и былъ бы, и былъ бы, можетъ-быть, и выше. О. Евсевій не имѣлъ лично противъ меня, но имѣлъ другихъ любимцевъ (впрочемъ, людей достойныхъ), и я долженъ былъ нѣсколько ретироваться. У о. Евгенія должны бы были ретироваться другіе; но вотъ и самъ о. Евгеній сильно отсталъ и понизился въ списокъ ректоровъ Академіи (хотя кончилъ курсъ и первымъ); да и Богъ вѣсть, было ли бы справедливѣе, если бы я и былъ выше.

Я хочу вспомнить, какія книги особенно занимали меня. Помню, что на младшемъ курсѣ меня весьма занимали философскія идеи Гердера, которыя я читалъ на нѣмецкомъ. Но я читалъ ихъ довольно медленно, потому что не очень бойко могъ читать на нѣмецкомъ, и жалѣлъ, что не могъ прочитать всю книгу и ознакомиться съ нею вполнѣ. Кажется, я читалъ эту книгу для сочиненія о душепреселеніи, если не ошибаюсь. На старшемъ курсѣ я нѣсколько читалъ для разсужденія переводъ и замѣчанія на Библию Шольца и Дерезера, и книга эта знакомила меня со многимъ. Читалъ еще нѣкоторыя мелочи, которыхъ не хочется вспоминать. Студенты выписывали въ складчину 3 журнала: «Отечественныя Записки», «Современникъ» и «Библіотеку». Книжки раздѣлялись на тетради, чтобы многіе вдругъ могли читать книгу, и передавались изъ номера въ номеръ въ опредѣленные сроки. Такимъ образомъ русская современная литература была намъ знакома. Но часто некогда было и читать журналы: надо было читать какіе-нибудь старинные фоліанты или отцовъ Церкви для разсужденія. Сочиненія Пушкина, Жуковскаго, Гоголя и др., можетъ-быть, и не вполнѣ, я читалъ или повторялъ въ Академіи. Временно нападала на меня страсть къ рисованію; кромѣ картинокъ и портретовъ, которые я рисовалъ, впрочемъ, однимъ карандашомъ, я писалъ еще карты; нѣкоторыя уцѣлѣли до сихъ поръ. Нѣсколько картъ св. Земли я нарисовалъ своимъ товарищамъ. Немало я возился съ камеръ-обскурою. Въ камеръ-обскуру я снялъ Трапезную церковь и силуэты съ нѣкоторыхъ товарищей.

Всегдашняя моя признательность Московской Духовной Академіи за то образованіе, которое она дала мнѣ. Она познакомила насъ съ наукою полнѣе и многостороннѣе, нежели какъ можно узнать ее въ среднихъ заведеніяхъ. Она дала возможность судить о наукѣ, а не слѣпо ввѣряться всему писанному и печатному. Она раскрыла намъ высшіе вопросы на-

уки, высшіе интересы духовной природы человека и существеннѣйшіе вопросы о судьбѣ человека. Она каждого поставила на такую степень самостоятельности, какой кто могъ достигнуть по своимъ силамъ. Наука была для насъ не занятіемъ праздности, а потребностью, не ученіемъ, а жизнью души, возрастающей и развивающейся. Однимъ словомъ, въ Академіи мы любили науку и въ ней находили наслажденіе. Въ ней мы испытали сладость этой умственной жизни, не возмущаемой внѣшними обстоятельствами. Случалось—идешь въ столовую, и кончишь ужинъ; а самъ держишь въ головѣ ту мысль, которая не успѣла еще выразиться на бумагѣ, оставленной на столѣ. Нерѣдко во время прогулки составишь счастливый планъ, поймашь удачную мысль, или прояснишь только зародившуюся мысль. Блаженная жизнь! Запертые въ стѣнахъ монастыря, мы забывали о нуждахъ болѣе чувствительныхъ, чѣмъ наши умственные потребности, о несчастіяхъ болѣе важныхъ, чѣмъ пониженіе въ спискѣ.

А было нѣсколько замѣчательныхъ событій во время моей академической жизни. И во-первыхъ, на первомъ же шагу я едва не попалъ въ бѣду, и бѣда была немалая, а именно—меня могли бы выгнать изъ Академіи или получить обо мнѣ дурное мнѣніе. Во второмъ номерѣ былъ старшій Владиміръ Сергѣевичъ Соколовъ¹⁾, второй студентъ, гордый и самолюбивый человекъ, всегдашній врагъ Аничкову за его первенство. Во 2-мъ номерѣ жилъ Михаилъ Егоровичъ Озеровъ, студентъ старшаго курса изъ вианцевъ, мой пріятель, бывшій и въ первомъ пяткѣ въ спискѣ и послѣднимъ за свою страсть къ оригинальности, ради которой онъ рѣшился нагрубить бакалавру и написать различныя вольности въ сочиненіи. Мѣсяца черезъ три онъ уѣхалъ со старшаго курса въ Сибирь съ Иннокентіемъ, Камчатскимъ епископомъ, постригся въ монахи, сдѣлался Мисаиломъ, послѣ былъ архимандритомъ въ Посольскомъ монастырѣ на Байкалѣ. Не зная академическаго порядка, я часто ходилъ къ этому Михаилу Егоровичу и въ такое время, которое назначалось для занятій, но въ это время, въ началѣ курса, еще никто ничѣмъ не занимался; тутъ я разговаривалъ, смѣялся и даже игралъ на гитарѣ. И вотъ въ одинъ прескверный вечеръ Владиміръ Сергѣевичъ запискою, или какъ иначе—не помню, даетъ мнѣ знать, что я самъ долженъ итти къ о. инспектору Евсеію и просить себѣ наказанія за беспорядки, какіе производилъ въ его номерѣ, угрожая въ противномъ случаѣ форменно донести на меня въ правленіе Академіи. Само собою разумѣется, что и то и другое мнѣ весьма не понравилось. Я спросилъ

¹⁾ Впослѣдствіи Іоаннъ, епископъ Смоленскій. См. выше.

совѣта у Михаила Егоровича, и онъ совѣтоваль мнѣ итти къ инспектору и извиниться незнаніемъ порядка и неосторожностію. Я такъ и сдѣлалъ. О. Евсевій, я думаю, былъ пораженъ такимъ безпримѣрнымъ случаемъ: самъ виноватый доносилъ на себя и требоваль себѣ наказанія; но, кажется, послѣ онъ сдѣлалъ выговоръ и самому Владиміру, а мнѣ приказаль итти и просить извиненія у Владиміра. Я пришелъ, объяснилъ ему приказаніе о. инспектора и просилъ извиненія. Владиміръ, кажется, хотѣлъ читать мнѣ наставленія; но я не сталъ слушать его и поспѣшилъ уйти. Съ тѣхъ поръ я не бываль во 2-мъ номерѣ. А Владиміръ сдѣлался о. Іоанномъ и моимъ бакалавромъ. Одну проповѣдь мою онъ запачкалъ и разругаль, но сочиненіе объ Экклезіастѣ, говорятъ, хвалилъ. Такой-то былъ случай.

На первомъ же году я уѣзжалъ домой въ учебное время, съ дозволенія о. ректора Филарета,—это было послѣ святокъ; я сдѣлалъ себѣ вакацію недѣли въ 3 до масленицы. Я жаловался на головную боль: у меня были сильные приливы крови къ головѣ, и это во всю академическую жизнь. Я много лѣчился, впрочемъ, средствами больше невинными, горчицей, холодной водой. Но о. Анастасій, монастырскій врачъ, даваль и нѣкоторыя серьезныя лѣкарства. На старшемъ курсѣ я хотъ и хвораль, но лѣчился мало. Зато у меня образовалась страсть слушать и вычитывать различные рецепты отъ разныхъ болѣзней, и въ особенности отъ чахотки, которую я подозрѣваль въ себѣ, и записывать эти рецепты; и теперь еще нѣкоторые цѣлы у меня.

Въ 1843 году братъ Платонъ Ивановичъ оставилъ службу въ Дмитровскомъ училищѣ и поступилъ на мѣсто во священника въ Запасной Дворецъ¹⁾. По этому случаю я еще прогулялъ съ мѣсяцъ въ Москвѣ—отъ 15-го августа до 14-го сентября. Свадьба была 5-го сентября. Въ Академію, разумѣется, послалъ рапортъ о своей болѣзни. Это было время веселое. Представленія о семейномъ счастьѣ брата и воспоминанія о веселыхъ вечерахъ, проведенныхъ въ милой семьѣ его невѣсты, долго занимали мою голову и веселили меня среди однообразной ученой жизни. Я отдыхаль на этихъ воспоминаніяхъ и думаль о своей будущности. Я думаль, когда-то и гдѣ-то Богъ устроитъ меня, и будетъ ли у меня подруга жизни?

Митрополитъ насъ посѣщаль каждый годъ. Публичные экзамены были при немъ. Но на старшемъ курсѣ онъ, кажется, ни разу не былъ у насъ на экзаменахъ по болѣзни. Зато навѣщаль насъ иногда въ учебное время, проживая въ лаврѣ. Однажды засталъ студентовъ въ номерѣ во время клас-

¹⁾ Платонъ Ивановичъ Аеинскій, родной братъ Д. И. Кастальскаго, авторъ извѣстнаго учебника по Закону Божію, употребляющагося до сихъ поръ: «Книга для духовно-нравственнаго чтенія и первоначальнаго наставленія въ Законѣ Божіемъ».

са и одному, по фамиліи Шалобановъ ¹⁾, сказалъ: «Настоящій ты Шалобановъ!» Въ другой разъ онъ пришелъ въ классъ, нѣкоторые студенты вошли уже при немъ; одного онъ спросилъ: «Почему поздно пришелъ?» Тотъ не могъ ничего сказать, кромѣ словъ: «Я спѣшилъ?» Митрополитъ засмѣялся, но сдѣлалъ всему классу строгій выговоръ.

Въ наше время, кажется, два раза проѣзжалъ Иннокентій, нынѣ Херсонскій архіепископъ, черезъ лавру ²⁾. И здѣсь-то я имѣлъ случай видѣть его. Въ лаврѣ же я въ первый разъ видѣлъ государя Николая Павловича. Его величіе поразило всѣхъ насъ. Въ Академіи же мы встрѣчали новобрачныхъ наслѣдника и наслѣдницу, нынѣ царствующихъ (17 августа 1855 г.).

Житье наше въ Академіи было патріархальное и свободное. При Филаретѣ ³⁾ не было преступленіемъ не ходить на нѣкоторыя лекціи. Онъ самъ заставлялъ въ номерѣ студентовъ во время класса и если заставлялъ за сочиненіемъ или чтеніемъ, то и не поминалъ о томъ, что теперь надо быть въ классѣ. Евсевій былъ строже, и ввелъ много порядка, къ которому мы не привыкли: заставлялъ ходить въ классъ, подавать въ срокъ сочиненія, однимъ словомъ, стѣснилъ нашу свободу, и мы говорили, что онъ препятствуетъ успѣхамъ просвѣщенія. Но и при Евсеіи нѣкоторые классы всегда были бѣдны посѣтителеми, особенно несчастные языки еврейскій, греческій, нѣмецкій и французскій. Баккалавръ еврейскаго языка ⁴⁾ часто приходилъ въ классъ и находилъ одного дежурнаго, который подавалъ ему журналъ для подписанія, а иногда одинъ только разогнутый журналъ, съ перомъ и чернильницей, и ни одной живой души,—а иногда не находилъ и самого журнала. Много было исторій изъ-за этого. О. Евсевій ввелъ, наконецъ, чтобы ходили на языческіе классы номера по очереди, но и это не помогало. Но Василій Сергѣевичъ Соколовъ, бакк. греч. языка на младшемъ классѣ, держалъ насъ такъ, что мы боялись не ходить къ нему. Онъ походилъ характеромъ на брата своего Владиміра ⁵⁾. Случалось, что мы запирались въ номерахъ отъ поисковъ инспектора, который приходилъ насъ гнать въ классъ, и хотъ видѣлъ въ окна, что номера не пусты, но сдѣлать ничего не могъ. А былъ и такой случай. Инспекторъ Евгеній нечаянно вошелъ въ номера; мы не могли спрятаться, и всѣ легли на койки, закрыли головы подушками и притворились спящими. Евге-

¹⁾ Асинкрить Шалобановъ, кандидатъ тринадцатаго курса (1833—1842 гг.), изъ Тобольской семинаріи.

²⁾ Умеръ въ 1857 г.

³⁾ Гумилевскомъ; инспекторомъ Академіи состоялъ въ 1833—1835 гг., и ректоромъ въ 1835—1841 гг.

⁴⁾ Александръ Кирилловичъ Соколовъ.

⁵⁾ Іоанна епископа Смоленскаго; старше его четырьмя курсами.

нѣй походилъ по номеру, будилъ нѣкоторыхъ, но никто не вставалъ, и онъ ушелъ. Когда я былъ дежурный и пришелъ съ журналомъ къ инспектору, онъ спросилъ меня: «Всѣ ли были въ классѣ?»—«Нѣтъ, не всѣ».—«А сколько не было?»—«Не могу сказать, не считалъ».—«А много ли было?»—«Пять чело-вѣкъ». Евгенийъ засмѣялся и велѣлъ, чтобы всѣ ходили въ классъ, но это легко было только сказать. Если лѣнь было снимать нанковый сюртукъ и надѣвать суконный, то мы надѣ-вали сверху шинель и такъ сидѣли въ классѣ, и это не казалось неприличнымъ. А зимой такъ дѣлали почти всѣ.

Въ Академіи кто хотѣлъ, тотъ занимался, когда хотѣлъ, не соблюдая порядка, а кто не хотѣлъ, тотъ не занимался совсѣмъ и спалъ, когда только можно было спать. Игра въ карты въ Академіи была довольно сильна. Въ цензурномъ комитетѣ, т.-е. въ номерѣ, гдѣ жили письмоводители Комите-та, каждый вечеръ зимой послѣ ужина было собраніе охот-никовъ преферанса, которые бились часа два или болѣе. Въ моемъ номерѣ какъ-то завели неугасимый преферансъ, продолжавшійся мѣсяца полтора, и прекращавшійся только во время инспекторскихъ посѣщеній или во время пунша, который дѣлалъ выигравшій. Впрочемъ, сильнаго выпиванья въ Академіи не было; пили сколько прилично молодому че-ловѣку, занятому наукой, ради куража и освѣженія. Въ та-комъ случаѣ, т.-е. когда мы хотѣли кутнуть, то ходили къ извѣстнымъ людямъ, которые намъ нравились за кредитъ, иные къ Гурьичу, иные къ Коньку, а мы къ Трегубову на Вознесенскую гору. У этого Трегубова я бралъ чай, сахаръ, иногда бутылку вина или рома, къ концу курса я задолжалъ ему около 20 рублей серебромъ,—и этотъ долгъ очень меня тре-вожилъ. Около 10 руб. сер. я долженъ былъ еще булочнику Алексѣю, который каждое утро приносилъ мнѣ бѣлый хлѣбъ и клалъ подъ подушку и который еще и теперь стоитъ въ своемъ шалашѣ у воротъ лавры. Послѣ вакаціи, по оконча-ніи курса, получены были наградныя деньги 50 р. сер., и всѣ кредиторы мои были удовлетворены. Этимъ распорядился мой Степанъ Ивановичъ ¹⁾. Впрочемъ, мои долги, сравни-тельно съ другими, были маленькіе. Чай мы пили, кажется, однажды въ день въ 4 часа по вечеру. Ради экономіи склады-вались. Моимъ сочайникомъ на старшемъ курсѣ былъ Ни-колай Неводчиковъ. Любимыми мѣстами студенческихъ про-гулокъ были: Московское шоссе, Виѣанка, Виѣанія и Кор-буха, гдѣ мы лѣтомъ купались, Пафнутьевскій садъ.

Наши академическіе номера были не то, что нынѣ. Тѣ же комнаты, но онѣ кругомъ обставлены были кроватями, шка-пами, бюро и столами. Мы спали и отдыхали, сколько и когда

¹⁾ Зерновъ.

хотѣли. На кровати мы читали, учили уроки. Но лѣтомъ болѣе учились, ходя по академическому саду, который всегда содержался въ чистотѣ, а при Евсеіи еще украшенъ былъ цвѣтникомъ, въ которомъ много трудился Алексѣй Осипычъ ¹⁾. Окна, столы и шкапы въ нашихъ номерахъ завалены были грудами книгъ, особенно фоліантами отцовъ. Одежда была казенная. Всегда было два экземпляра сюртука и брюкъ, нанковые и суконные и, кромѣ того, шинель. Передъ окончаніемъ курса мы облеклись въ форменные фраки. О, радость! Мы уже совсѣмъ профессора! И какъ ловко во фракѣ! Какъ хорошо обрисовываетъ онъ талію! Ну, однимъ словомъ, сами представьте чувство молодого человѣка, въ первый разъ въ жизни надѣвшаго фракъ. Только я не могъ много предаваться восторгу: я былъ въ больницѣ; я ждалъ пониженія въ спискѣ; я трепеталъ Казани (18-го авг. 1855-го г.).

Могу сказать безъ хвастовства, что я пользовался общеою любовью въ Академіи. Изъ наставниковъ меня любилъ о. Евгеній инспекторъ, чего я и самъ не подозрѣвалъ, и не знаю самъ за что. И онъ не давалъ это знать. Уже послѣ окончанія курса онъ сказалъ Степану Ив. Зернову, что онъ его да меня отличалъ отъ другихъ. Изъ другихъ наставниковъ и начальниковъ никто не былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ ко мнѣ: всѣ оказывали мнѣ приличное вниманіе. Товарищи почти всѣ любили меня, что доказываютъ ихъ собственноручныя свидѣтельства; тутъ выражали мнѣ свои добрыя чувства и такіе люди, которыхъ я и не считалъ своими пріятелями.

Моими особенными друзьями, о которыхъ память мнѣ дорога, какъ и память Академіи, были нижеслѣдующіе.

Степанъ Ивановичъ Зерновъ, мой пріятель еще отъ Виѣаніи. Доброе его расположеніе не охладѣвало и въ Академіи. Алексѣй Осиповичъ въ Академіи отъ насъ отсталъ; Счастневъ тоже завелъ свои пріятельскія связи. Мы съ Степаномъ одни продолжали виѣанскую дружбу. Часто мы съ нимъ, прогуливаясь, толковали о сочиненіяхъ, которыми оба были заняты, о будущихъ судьбахъ нашихъ, опасались, надѣялись, горевали; но его будущность была свѣтлѣе моей; съ нимъ же больше мы навѣщали и Ивана Ивановича Трегубова, гдѣ въ веселой компаніи студентовъ мой Степанъ блестялъ краснорѣчіемъ и остротами. А онъ блистать любилъ и, должно сказать, могъ ²⁾.

¹⁾ Ключаревъ.

²⁾ Д. И. Кастальскій по окончаніи академическаго курса просилъ своихъ товарищей написать ему что-нибудь на память. Автографы приложены къ его «Семейнымъ Запискамъ». С. И. Зерновъ написалъ: «Послѣ десяти лѣтъ, которыя проведены нами подъ одною кровлею, наконецъ, мы расстаемся. Благодарю тебя за вниманіе и за тѣ чувства, которыя ты имѣлъ ко мнѣ. Я не забуду объ тебѣ, куда бы ни былъ посланъ. Душевно любилъ я и уважалъ тебя всегда, и не измѣнюсь. Мое сердце желаетъ тебѣ жизни долгодѣтней, но счастливой, желаетъ благословенія отъ Бога и любви отъ людей; при этихъ двухъ условіяхъ можно жить на свѣтѣ счастливо. Тебя не нужно учить, какъ этого достигнуть. Твоя душа, умъ и сердце все имѣютъ, что нужно для счастья.—Прости и помни Степана Зернова».

Николай Васильевич Неводчиковъ. Съ нимъ я сошелся уже среди курса, при окончаніи младшаго курса. Это была душа дѣтская, скучавшая чужбиною, потому привязчивая и откровенная. Онъ былъ родомъ изъ Екатеринослава. Отецъ его былъ секретаремъ Дух. Консисторіи. Мать давно умерла, и мой Николай выросъ подъ вліяніемъ и попеченіемъ своей тетки, которая умѣла сохранить въ немъ всю чистоту дѣвственной души и всю любовь къ родному гнѣзду и семейству; онъ очень любилъ и тетку свою и сестеръ, которыя походили на него своимъ характеромъ. Онъ былъ большой мечтатель, иногда удалявшійся отъ всякаго общества куда-нибудь на кладбище, иногда до крайности живой и откровенный, какъ ребенокъ. Мы съ нимъ пошли гулять, кажется, 28-го мая (этотъ день, начало нашей дружбы, мы послѣ праздновали съ нимъ) 1842 года, вдвоемъ около лавры. Онъ рассказывалъ мнѣ свои домашнія обстоятельства. Картина его семейства и его дѣтскія чувства такъ понравились мнѣ, который тоже чувствовалъ себя иногда довольно скучнымъ и одинокимъ, что я желалъ бы имѣть его своимъ братомъ; такъ много было въ немъ дѣтской привязанности, чистоты, любви. Я тоже способенъ былъ къ увлеченію и восторженности. Я думалъ, что нашелъ сокровище въ этомъ человѣкѣ, рекомендовалъ его своимъ роднымъ; и точно, онъ былъ рѣдкостью въ обществѣ нашемъ, потому что былъ невиненъ и цѣломудренъ въ чувствахъ, какъ дѣвушка, хотя, конечно, былъ и неопытенъ и неблагоприятенъ, какъ ребенокъ; онъ былъ очень молодъ. За первымъ знакомствомъ у насъ начались маленькія откровенности и одолженія, напр., мы давали читать другъ другу книги. Потомъ на старшемъ курсѣ мы стали пить чай вмѣстѣ; потомъ онъ былъ у меня въ Дмитровѣ и со мной въ Москвѣ (въ вакаціи 1843 г.). Потомъ мы сдѣлались неразлучны, какъ братья, учили уроки вмѣстѣ, читали свои сочиненія другъ другу. Онъ писалъ мнѣ стихи,—онъ любилъ писать стихи,—подарилъ мнѣ книгу стихотвореній, собственноручно переписанныхъ; писалъ для меня уроки, а я давалъ ему совѣты въ сочиненіяхъ. Наконецъ, мы стали ссориться, коситься, дуться, капризничать, мириться, опять сердиться, и такъ далѣе. Я разстался съ нимъ по-дружески. Холостой я велъ съ нимъ самую дѣятельную и искреннюю переписку. Я любилъ писать къ нему и писалъ ему много. Одинокій, мечтатель, я имѣлъ нужду въ человѣкѣ, который бы принималъ мои чувства сердцемъ, а мой Николай былъ именно такой человѣкъ. Судьба его была до сихъ поръ счастливая и поэтическая; я любилъ слѣдить за его судьбою и развитіемъ его души. Сначала онъ жилъ у Стурдзы ¹⁾ до-

¹⁾ Александръ Скарлатовичъ Стурдза (1791 — 1854), изъ румынскаго (молдавскаго) боярскаго рода, восходящаго къ началу XV в.; воспитывался въ Россіи, куда отецъ его переселился вскорѣ послѣ его рожденія; учился въ Германіи; потомъ

машинимъ секретаремъ и учителемъ. Стурдза его любилъ; да его полюбилъ бы и всякій человѣкъ съ душою. Потомъ онъ сдѣлался профессоромъ или учителемъ (онъ кандидатъ) въ Кишеневской семинаріи. Года два назадъ онъ женился на Ольгѣ Васильевнѣ. Теперь мы съ нимъ переписываемся рѣдко. А почему? Потому что оба заняты своими дѣлами, а прежнимъ воспоминаніямъ удѣляемъ только досугъ, да и то небольшую долю досуга. Мой Николай занялъ въ судьбѣ моей немалую и притомъ почетную долю. И я благодаренъ судьбѣ за этого человѣка: онъ доставилъ мнѣ немало счастья.

Далѣе я долженъ упомянуть о милыхъ, и много меня любившихъ: Антонѣ Ивановичѣ Пщолко и братѣ его Юліанѣ Ивановичѣ ¹⁾ и о благородной душѣ—Василіи Вечорко. Всѣ трое изъ уніатовъ, смѣсь русской и польской крови. Антонъ ухаживалъ за мною больнымъ, какъ нѣжный братъ; служилъ мнѣ, утѣшалъ меня,—и за какія блага нянчился онъ со мною? Богъ былъ милостивъ со мною. Всегда въ болѣзни Онъ посылалъ добраго мнѣ друга и безкорыстнаго слугу; таковъ же былъ послѣ въ Казани Лавръ Матвѣевичъ Борецкій ²⁾. А лучше всѣхъ ихъ душою былъ покойный Василій Петровичъ Вечорко, скоро умершій отъ чахотки. Это была солдатская, прямая душа: онъ не боялся и не стыдился своихъ мыслей и чувствъ ни передъ кѣмъ, и всегда готовъ былъ открыто защищать ихъ. Въ то же время онъ былъ человѣкъ нѣжный, чувствующій, что называется, съ душою. Честь и любовь твоей памяти, благородный Вася! Я столько уважаю тебя, что желалъ бы самъ походить на тебя. Твоя честная и нѣжная душа стоила всякаго счастья и могла бы составить счастье другихъ ³⁾.

поступилъ на дипломатическую службу въ Россіи. Въ 1819 году вышелъ въ отставку и жилъ то въ своемъ имѣніи, то въ Малороссіи; оставилъ много сочиненій на французскомъ и русскомъ языкахъ по церковно-религіознымъ вопросамъ.

¹⁾ А. И. Пщолко на память Д. И. Кастальскому написалъ:

«Тебя я любилъ: мнѣ тебя не забыть!
Тебя я и въ вѣчности буду любить!

Антонъ Пщолко».

Его братъ:

«Храня память обо мнѣ у себя,
Ты осчастливишь меня.

Юліанъ Пщолко».

²⁾ Студентъ Казанскаго университета. Вспоминая жизнь въ Казани, Д. И. Кастальскій пишетъ о немъ въ своихъ «Семейн. Запискахъ» (т. II, л. 190): «Студентъ университета Лавръ Борецкій ухаживалъ за мною, какъ за братомъ, въ моей болѣзни (Д. И-чъ часто прихварывалъ, и особенно страдалъ головокруженіями). Всегдашняя ему благодарность моя. Теперь не знаю, гдѣ онъ. Въ университетѣ онъ поступилъ послѣ меня; былъ медикомъ. Этотъ человѣкъ привязался ко мнѣ сердечно и совершенно безкорыстно. Можно думать, что Самъ Богъ послалъ мнѣ его. Я нуждался въ товарищѣ терпѣливомъ, который бы ободрялъ меня, поддерживалъ и нравственно и физически, когда кружилась моя голова. Таковъ-то былъ Лавръ Матвѣевичъ Борецкій».

³⁾ Такою же любовью платилъ Д. И. Кастальскому и В. П. Вечорко. «На память» онъ написалъ: «Помни, Димитрій, того, кто любилъ тебя отъ души; жаль только, что оставляешь меня больнымъ и больнымъ довольно опасно. Обрати со временемъ и на это нѣкоторое вниманіе. Василій Вечорко».

Теперь пересчитаю своих номерниковъ, которые всѣ любили меня. Моя кровать и мой занятный столъ былъ въ углу подъ образами. Рядомъ со мной, по наружной стѣнѣ, у оконъ стояла кровать Василия Ивановича Русинова изъ Владиміра. Теперь онъ служитъ въ гражданской палатѣ. Человѣкъ онъ былъ, нельзя сказать, невинный и скромный, а все же человѣкъ хорошій. Только больно благъ во хмелю; и мнѣ отъ него и ему отъ меня доставалось немало, когда онъ приходилъ домой съ насупленными бровями, дикимъ взглядомъ и отдутыми губами, и когда Ив. Ѳед. Ситкевичъ обыкновенно говорилъ: «Нельзя сказать, чтобы Василій Ивановичъ не выпилъ».

Далѣе слѣдовала койка Александра Алексѣевича Невскаго, виоанца. Человѣкъ добрѣйшій, кротчайшій, смиреннѣйшій, нѣжнѣйшій и, наконецъ, благочестивѣйшій. Онъ и теперь инспекторствуетъ въ Заиконоспасскомъ училищѣ (а прежде въ Высокопетровскомъ) ¹⁾. Далѣе стояла кровать, на которой спалъ, игралъ и ругался, а изрѣдка и занимался Николай Степановичъ Сокольскій изъ Каменецъ-Подольск. семинаріи, а родомъ изъ Твери, еще по лѣтамъ мальчикъ, но уже сильно развитой, довольно опытный и еще больше успѣховъ обѣщавшій въ будущемъ. Онъ отлично игралъ въ преферансъ, не боялся самага крѣпкаго пунша, ругался на чемъ свѣтъ стоитъ, особенно когда у него болѣли зубы; однимъ словомъ, онъ былъ отличный экземпляръ забіяки Ноздрева, разбитного малаго. Кажется, его мы и звали Ноздревымъ, чѣмъ онъ мало обижался. Я его любилъ именно за эту удалъ. Да и немало было добрыхъ качествъ въ его, еще молодой душѣ. И онъ меня любилъ и выражалъ свою любовь тѣмъ, что звалъ меня всегда: «Митенька-шелъма», и до смерти надоѣдалъ своими довольно пустыми сочиненіями, которыя надо было поправлять. Далѣе въ углу существовалъ Трифонъ Ѳеодоровичъ Шумовскій, изъ Волынской губ., молчаливый созерцатель академической суеты. Бывало, ходитъ по номеру со сложенными руками на груди, посмѣивается про себя, надъ

---

1) По окончаніи академическаго курса кандидатомъ получилъ назначеніе на должность инспектора и учителя латинскаго языка въ Высокопетровское духовное училище; по переводѣ этого училища въ Заиконоспасскій монастырь занялъ и здѣсь ту же должность. Въ 1874 году сдѣлался смотрителемъ Заиконоспасскаго училища. Прослуживъ 46 лѣтъ по духовному вѣдомству, онъ вышелъ въ отставку и скончался въ 1895 году, 77 лѣтъ. Какимъ охарактеризовалъ Д. И. Кастальскій Александра Алексѣевича, такимъ онъ оставался и всю жизнь, производя благотворное вліяніе на своихъ многочисленнѣйшихъ учениковъ и оставивъ въ нихъ самое свѣтлое воспоминаніе о себѣ. Изъ сочиненій А. А. Невскаго извѣстны: «Русская духовно-нравственная хрестоматія»; «Духовно-нравственное чтеніе для народа» (13 вып.); жизнеописанія царей Давида и Соломона, Руои, Алексія Человѣка Божія, мучен. Параскевы, Московск. святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа; «Состояніе первенствующихъ христіанъ среди язычниковъ» и др. На память Д. И. Кастальскому А. А. Невскій написалъ: «Любезнѣйшій Митенька! Моею обязанностію будетъ навсегда сохранить о тебѣ драгоцѣнное воспоминаніе. Отъ души желаю тебѣ выздоровѣть и быть во всю жизнь счастливымъ. Александръ Невскій».

къмъ и надъ чъмъ ему вздумается. У внутренней стѣны номера, начиная отъ меня, имѣлъ пребываніе и больше занимался на налоѣ Иванъ Ѳеодоровичъ Ситкевичъ (изъ минскихъ униатовъ), осторожный, довольно хитрый и насмѣшливый господинъ. Но въ основаніи души человѣкъ благородный, степенный, котораго никто, кажется, не могъ упрекнуть ничѣмъ, что бы могло чернить его въ товариществѣ. За нимъ слѣдовалъ Алексѣй Гавриловичъ Солнцевъ (изъ Смоленска), тоже благороднѣйшая душа, повидимому, гордый и горячій, а между тѣмъ всякому уступавшій и служившій, всегда ровный и спокойный. Если онъ осердится, то вспыхнетъ и начнетъ ходить, но брани онъ не любилъ; зато и его всѣ уважали и боялись оскорблять. Я любилъ его больше всѣхъ своихъ номерниковъ. На память онъ подарилъ мнѣ французскую Библію ¹⁾. Наконецъ, у печки существовалъ Степанъ Семеновичъ Лебединскій (изъ Симбирска). Въ номерѣ онъ только спалъ; а остальное время пропадалъ въ нѣкоторыхъ ему извѣстныхъ мѣстахъ. Человѣкъ природы довольно грубой. Ситкевичъ говорилъ, что Степанъ Семеновичъ и Василій Петровичъ Левашевъ (тоже студенты изъ 3 номера) были во всемъ друзьями, но о нѣкоторыхъ предметахъ говорить не могли безъ палки. Такъ оно и было. И мы были свидѣтелями ихъ домашней дуэли за какую-то богиню.

Изъ другихъ номеровъ близки были со мною: Павелъ Алексѣевичъ Троепольскій, москвичъ, теперь о. Платонъ, служить въ Каменецъ-Подольскѣ. Душа благородная. Василій Ивановичъ Куняевъ, виѳанецъ, душа нѣжная, милый товарищъ, любилъ забавлять другихъ, но не умѣлъ оскорблять. Онъ умеръ въ Варшавѣ ²⁾. Флавій Васильевичъ Скабовскій, володимірець. Подвыпивши, онъ изъяснялся мнѣ въ любви самымъ нѣжнѣйшимъ образомъ; въ обыкновенное время, во время занятій, обыкновенно выходилъ изъ 5 номера въ 4-й и кричалъ своимъ тоненькимъ, пискливымъ голоскомъ: «Митенька любезнѣйшій, дай табачку». Взявши щепотку, онъ тотчасъ уходилъ и продолжалъ дѣлать свое дѣло. Черезъ полчаса онъ опять являлся съ тѣмъ же воззваніемъ. Милый былъ товарищъ ³⁾! Опять надо упомянуть нѣжнаго Петю Счастлива,

¹⁾ Алексѣй Гавриловичъ служить въ Москвѣ въ Синодальной конторѣ. Примѣчаніе автора.

²⁾ «На память» Д. И. Кастальскому имъ написано: «Ему написать на память? Скажите, пожалуйста!... Итакъ, начнемъ: что такое память? Память есть способность воспроизводить... Но такъ опредѣляетъ философія разсудка, но философія сердца понимаетъ иначе: подъ памятью она разумѣетъ непрерывное, всегдашнее и вѣчное памятованіе о другѣ, близкомъ сердцу, памятованіе не простое, не одно только непрерывное, но соединенное съ внутреннимъ наслажденіемъ и т. д. и т. д. Итакъ, я тебѣ не написалъ ничего на память, но опредѣленіе памяти, которое теперь изобразилъ, сохрани въ сердцѣ. В. Куняевъ».

³⁾ «На память» онъ тоже написалъ: «Митенька любезнѣйшій! дай табачку! Изъ Владиміра Флавій Скабовскій. 6-го іюня 1844 г. М. Д. а—ія».

умершаго весной 1844 г.; этого кроткаго челоуѣка любили всѣ. Надо вспомнить Василю Алексѣевича Катаева, нашего регента въ академическомъ хорѣ, родомъ вятича; Павла Алексѣевича Некрасова, москвича, умершаго въ Тамбовѣ; Василю Ивановича Романовскаго ¹⁾ и Ивана Ефимовича Свѣтovidова, москвичей; Руфа Александровича Ржаницына (изъ Вологды), нынѣ священника у Николая на Ваганьковѣ; Дмитрія Вас. Воскресенскаго изъ Калуги, и многихъ другихъ добрыхъ людей. Но въ особенности надо вспомнить о благородномъ Николаѣ Григорьевичѣ Александровичѣ (изъ Каменецъ-Подольска) ²⁾, котораго надо поставить въ особенную категорію моихъ ближайшихъ и любимѣйшихъ товарищей.

Кстати, припомню и другихъ товарищей нашего курса, чтобы послѣ не забыть совсѣмъ ихъ имена. Надо бы имѣть списокъ ихъ. Владимірѣ Григорьевичѣ Назаревскій (изъ Тулы), товарищъ Степана по письмоводству въ редакціи журнала, который при насъ получилъ свое начало («Творенія св. отцовъ» начали издаваться въ 1843 году). Григорій Захаровичъ Елисеевъ, мой будущій сослуживецъ, родомъ изъ Тобольска ³⁾. Александръ Павловичъ Топорковъ изъ Перми; Павелъ Николаевичъ Троицкій изъ Смоленска ⁴⁾; Сергѣй Андреевичъ Красовскій изъ Владиміра; Алексѣй Ивановичъ Сперанскій изъ Костромы; Дмитрій Алексѣевичъ Прилуцкій изъ Костромы ⁵⁾; Михаилъ Ив. Ремезовъ, старшій 5 номера, пріобрѣтшій печальную репутацію въ Академіи: на него студенты жаловались инспектору за ябеды; Яковъ Петровичъ Бурлуцкій изъ Пензы; Кузьма Гавриловичъ Говоровъ, изъ Тамбова, теноръ ⁶⁾; Александръ—отчество забылъ—Быстролетовъ

¹⁾ Скончался въ Москвѣ протоіереемъ.

²⁾ Былъ директоромъ Третьей Кіевской гимназіи.

³⁾ По окончаніи курса въ Академіи магистромъ былъ назначенъ въ Казанскую Академію на кафедру русской церковной исторіи. Д. И. Кастальскій о немъ отзывается: «Григорій Захаровичъ Елисеевъ былъ (въ Казани), естественно, ближе другихъ ко мнѣ, какъ товарищъ. Онъ довольно остеръ, любитъ позлѣе посмѣяться надъ другими, горячъ и вспыльчивъ, довольно гордъ, съ правилами и убѣжденіями свободными. Онъ мнѣ нравился, какъ замѣчательная личность, хоть особенно близко я къ нему не былъ» («Семейн. Записки», II, л. 183). Въ Казанской Академіи Г. З. Елисеевъ оставался до 1854 года; послѣ этого служилъ въ Сибири. Въ 1858 г. онъ поселился въ Петербургъ и сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ «Современника», обратившимъ на себя вниманіе своею талантливостію. По прекращеніи «Современника» дѣлается сотрудникомъ, а потомъ и однимъ изъ редакторовъ «Отечественныхъ Записокъ». Елисеевъ написалъ множество журнальныхъ статей, но большая часть ихъ не подписана его именемъ, и появлялась анонимно, изрѣдка подъ псевдонимомъ, напр., *Грыцко* (первыя его статьи въ «Современникѣ»). Незадолго до своей смерти (1891 г.) онъ напечаталъ въ «Вѣстн. Европы» (1891 г.) «Изъ прошлаго двухъ Академій». Въ 1894 году его «Сочиненія» были изданы, но они уничтожены цензурою.

⁴⁾ Былъ кафедральнымъ протоіереемъ въ Симферополѣ.

⁵⁾ Былъ профессоромъ и инспекторомъ Костромской семинаріи, а потомъ перешелъ на службу въ Министерство Финансовъ; умеръ въ 1872 году.

⁶⁾ По окончаніи академическаго курса былъ преподавателемъ Рязанской, а потомъ Тамбовской семинарій; оставивъ службу въ семинаріи, сдѣлался учителемъ Тамбовской гимназіи, отсюда перешелъ въ Воронежскую военную гимназію (нынѣ кадетскій корпусъ); скончался въ 1874 году. Извѣстенъ составленный имъ учебникъ, имѣвшій много изданій: «Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русскаго языка практическимъ способомъ».

изъ Ставрополя; о. Андрей (Поспѣловъ) изъ Тулы,—быль инспекторомъ въ Ярославлѣ. Но всѣхъ не припомнишь. Было всѣхъ около 60-ти человѣкъ.

Окончательный списокъ студентовъ нашего курса былъ таковъ, сколько помню:

1. Ипполитъ Мих. Богословскій ¹⁾ .	} Были бакалаврами въ Моск. Академіи.
2. Степанъ Ив. Зерновъ.	
3. Сергѣй Конст. Смирновъ	
4. Алексѣй Осиповичъ Ключаревъ. Быль проф. въ Виѣанской семинаріи.	
5. О. Сергѣй Ляпидевскій. Быль бакк. въ Моск. Акад., нынѣ инспекторъ.	
6. Сем. Ив. Протопоповъ (о. Серафимъ)	} Посланы въ Казанскую Акад.
7. Дм. Ив. Кастальскій	
8. Григор. Захар. Елисеевъ	

Далѣе слѣдовали, примѣрно, магистры: Теофилактъ Кротковъ ²⁾; Дм. Прилуцкій; Владиміръ Назаревскій; Мих. Русиновъ ³⁾; Павелъ Некрасовъ; Руфь Ржаницынь; о. Андрей. Далѣе не могу припомнить безъ пособія другихъ. Всѣ мои товарищи разсыпаны по бѣлу свѣту, и судьбы ихъ мало извѣстны намъ здѣсь. Судьба Назаревскаго несчастная. Приютившіеся въ Москвѣ всѣ, кажется, счастливы. Въ Академіи теперь остаются двое моихъ товарищей—Сергѣй Константиновичъ Смирновъ и о. Сергій, инспекторъ Академіи, давно уже архимандритъ ⁴⁾. Прежде назывался онъ Николай Ляпидевскій. Онъ изъ Тулы, землякъ и близкій человѣкъ о. Евсевія, нашего бывшаго ректора (20 августа 1855 года).

Но пора проститься и съ Академіею. Это, во-первыхъ, потому, что долгій трудъ моего описанія утомилъ и надоѣлъ мнѣ, такъ что я, наконецъ, дѣлаюсь весьма небреженъ и сухъ, чего бы мнѣ самому не хотѣлось; а, во-вторыхъ, потому, что академическій періодъ вышелъ у меня несоразмѣрно длиненъ, и длиннѣе чѣмъ, я предполагалъ.

Окончаніе курса было для меня скорбное, печальное. Я былъ боленъ и почти всю послѣднюю треть прожилъ въ больницѣ; я не былъ на послѣднемъ экзаменѣ. Потому я ждалъ пониженія въ спискѣ,—обстоятельство весьма чувствительное для меня (да и для всякаго другого) въ то время. Я уже говорилъ, что ученое самолюбіе сильнѣе всякой другой страсти въ студентѣ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ усердно работаль 4 года для мѣста: чего же стоитъ ему потеря мѣста? Конечно, немного

¹⁾ «На память» Д. И. Кастальскому онъ написалъ:
«Любезному товарищу, по его собственному желанію, прекраснѣйшую подругу жизни найти желаетъ Ипполитъ Богословскій-Платоновъ».

²⁾ Умеръ Московскимъ протоіереемъ.

³⁾ Вѣроятно, описка; можетъ-быть: Мих. Ремезовъ? Срвн. Ист. М. Дух. Академіи С. К. Смирнова, стр. 553.

⁴⁾ Впослѣдствіи митрополитъ Московскій.

меньше, чего стоило Іакову не получить Рахили, за которую онъ работалъ 7 лѣтъ. Наконецъ, я напуганъ былъ Казанью. Мнѣ наговорили, что тамъ вода грязная, земля грязная и воздухъ даже грязный, что люди тамъ вѣчно въ лихорадкѣ, хоть и не зналъ еще навѣрное, что я буду въ Казани. Я былъ уже немалый ипохондрикъ въ это время, да къ тому же и боленъ; я трепеталъ за свое здоровье; я заживо погребалъ себя. И вотъ однажды, во время всеобщей, я, оставшись дома, въ грустномъ расположеніи написалъ слѣдующіе стихи:

О, я желалъ бы жить, желалъ бы!
Въ вечернемъ сумракѣ кресты
На храмахъ Божіихъ сіяютъ,
Колокола съ ихъ высоты
Далеко гулъ свой разливаютъ.
Я все смотрѣлъ бы, все внималъ бы!
О, я желалъ бы жить, желалъ бы!
О, я желалъ бы жить, желалъ бы!
Природа жизнью полна,
Природа жизнью играетъ,
И дѣтямъ всѣмъ своимъ она
Игривой жизни удѣляетъ.
Я также жизнью игралъ бы!
О, я желалъ бы жить, желалъ бы!
О, я желалъ бы жить, желалъ бы!
Въ душахъ другихъ душа родникъ
Любови сладостной открыла;
И тайну счастья взоръ проникъ
И счастье жизнь мнѣ посулила.
И свой родникъ я отыскалъ бы!
О, я желалъ бы жить, желалъ бы!

Это, кажется, единственные стихи, написанные мною во всю мою жизнь. Я не любилъ ломать голову надъ римами, даже въ альбомы я не писалъ стиховъ, а писалъ всегда прозою. Но я переписывалъ стихи, и въ Академіи составилъ небольшую тетрадку такихъ избранныхъ стихотвореній.

Изъ стихотворенія вы видите, что мнѣ до смерти хотѣлось жить и любить. Душа искала любви. Но—увы—еще долго ей пришлось голодать. Долго она еще не находила своего родника, въ которомъ бы могла утолить жажду любви.

Прости, Академія! Простите свѣтлые дни беззаботныхъ и увлекательныхъ занятій, прощайте свѣтлыя надежды на будущность! Все кончено! Жребій вынуть; перемѣнить его нельзя. Надо промѣнять милую Академію на какую-нибудь Рязань или Казань, и жить тамъ, Богъ знаетъ, сколько лѣтъ, и можетъ-быть, умереть тамъ въ одиночествѣ, тогда какъ мои родные не будутъ и знать о моей смерти! О, промѣнялъ

бы я казанское бакалаврство на дмитровское учительство. Я былъ бы на родинѣ, вблизи родныхъ. Я могъ бы устроить судьбу свою, жилъ бы, можетъ-быть, въ тепломъ семействѣ, какъ мои братья, былъ бы счастливъ. А теперь—Боже мой, Боже мой!—куда-то далекій путь безъ надежды возврата; будущность какая-то темная, ничего не обѣщающая, кромѣ скуки, болѣзни, одиночества! Какъ мирно протекаетъ жизнь моихъ братьевъ среди живыхъ, веселыхъ и любящихъ семействъ! А я что? А мнѣ что сулитъ судьба? Ахъ, какъ счастливы московскіе профессора: они живутъ въ Москвѣ, пользуются извѣстностью, почетомъ, связаны съ семействами! О, если бы мнѣ выпала такая судьба! Но нечего надѣяться!... Послѣ такихъ отчаянныхъ и безнадежныхъ размышлений я началъ и утѣшать себя. Чтожъ, можно и на чужбинѣ забыть свое горе и одиночество; можно заняться наукою; можно забыться за повѣстію, за романомъ; можно рисовать и клеить. А что, если въ Казани нѣтъ ни кисточекъ, ни красокъ, ни бордюру? Но меня увѣрили, что тамъ все можно найти. Но, друзья мои, все это надо перечувствовать, что я написалъ. Вѣдь рѣшалась, ни больше ни меньше, какъ судьба моя, мое счастье, моя будущность.

Тутъ нѣтъ шутокъ, тутъ нѣтъ и искусственной поэзіи, а тутъ вопіющая дѣйствительность, тутъ поэзія суровой и неумолимой дѣйствительности (22-го авг. 1855).

«А что, трудно учиться въ Академіи?» такъ часто меня спрашивали люди, которымъ Академія казалась ученой пустыней, гдѣ живутъ подвижники и мученики. Напротивъ, очень легко. Тамъ надо было только жить, чтобы учиться. Само собою разумѣется, что даромъ ничего не достается. И въ Академіи нуженъ трудъ и немалый; но я думаю, что многія ученыя заведенія, напр., Педагогическій институтъ, нѣкоторыя факультеты университета несравненно труднѣе академическаго курса. Въ Академіи при насъ было много свободы! Кромѣ того, мы не знали заботъ о своемъ содержаніи; а учащемуся въ университетѣ это часто очень знакомо. Наконецъ, кандидатство академическое достается легко, почти даромъ; а съ нимъ связаны немалыя выгоды. Такимъ образомъ я увѣренъ, что Академія имѣетъ много выгодъ для учащихся, и учащіеся не могутъ жаловаться на тяжесть академическаго устава. Одно не хорошо: наша Академія не имѣла внѣшняго общества; студенты лишены были развлеченій; мы жили монахами. Но и это имѣетъ хорошую сторону. Больше оставалось времени для занятій и больше надеждъ на удовольствіе впереди. И удовольствія, испытываемыя рѣдко, имѣли силу новости, болѣе занимали насъ и оставляли долгій слѣдъ въ душѣ. Душа уберегла больше способности къ наслажденію (26-го августа 1855 г.).

А вотъ что жаль, господа мои: мы скоро забываемъ явленія и событія нашего духовнаго міра, а въ нихъ-то и весь интересъ, вся истина. По внѣшнимъ обстоятельствамъ моимъ вы еще не составите понятія обо мнѣ и о моей жизни или составите ложное понятіе. Вамъ надо бы было войти въ душу мою и видѣть жившія и отжившія въ ней чувства, убѣжденія, правила, печали и радости, а я и самъ все это забылъ или если и могу припомнить ихъ, то не могу воскресить ихъ во всей живости, и слѣдовательно, не могу вполне выразить. Даже недавнія чувства, сильно и долго волновавшія меня, уже утихли, улеглись и не оставили ни малѣйшаго слѣда, какъ не оставляютъ слѣда волны на поверхности моря. А жаль, что все это пропадаетъ даромъ, даже для самого меня. Или, можетъ-быть, все отжившее въ душѣ моей и оставило какіе-нибудь результаты, которыми я пользуюсь въ настоящее время, хотя и самъ не замѣчаю этого. Многое мы нарочно скрываемъ въ себѣ, даже скрываемъ отъ самихъ себя, стараемся заглушить и подавить, чтобы оно не вырвалось какъ-нибудь наружу и не сдѣлалось предметомъ вниманія и разговоровъ для постороннихъ; и я думаю, что не одинъ я,—а я довольно скрытенъ,—а и всѣ дѣлали то же: самыя чувствительныя неудачи и неудобства претерпѣвали съ какимъ-то скрытничаньемъ и молчаніемъ и, такъ сказать, закрывши глаза, чтобы не слишкомъ много бояться бѣды и плакать. И все перетерпывалось и все обходилось, все перемололось и сдѣлалось мукою, и дѣло пошло, какъ по маслу. Отъ многихъ правилъ и убѣжденій мы отказались, хоть и тяжело и горько было это отреченіе; со многими враждебными неудобствами сжились, и неудобства сдѣлались удобствами или оказались пустяками. Есть, впрочемъ, различные характеры. Въ однихъ духовная жизнь развивается играючи, такъ сказать; эти люди скоро отрекаются отъ стараго и сдружаются съ новымъ, и опять отрекаются отъ новаго и мирятся съ новѣйшимъ. Это счастливые характеры, ихъ правила, чувства и убѣжденія воскового свойства: легко таютъ и безъ треска и шума принимаютъ другую форму. Другіе характеры менѣе счастливы: свойства ихъ убѣжденій и чувствъ крѣпче, въ родѣ кремня или металла; разрушеніе такихъ правилъ и убѣжденій не обойдется безъ шума, треска и потрясенія. Тутъ переломка стараго труднѣе и дороже обходится; зато и правила и чувства этого рода прочнѣе и долговѣчнѣе, какъ каменный домъ, хозяйски построенный. Мои правила болѣе походили на послѣдній сортъ. Не хочу сказать, чтобы у меня былъ сильный характеръ, твердость въ убѣжденіяхъ; ничего не бывало; а только я вообще развивался трудно, медленно, переходы изъ состоянія въ состояніе были не быстрые. А и я все-таки немало пережилъ правилъ, убѣжденій и чувствъ.

Припомню кое-что. Когда я учился въ Академіи, я былъ хоть не очень религіозенъ, но очень невиненъ, нравственъ и благочестивъ, такъ сказать, по уваженію къ природѣ человѣка; я вѣрилъ въ добродѣтель и уважалъ ее. Поживши съ людьми въ мірѣ, я уже много уступилъ изъ этого убѣжденія: я сталъ снисходительнѣе смотрѣть на людей менѣе нравственныхъ, лишь бы они не были вредны; многіе изъ такихъ людей даже мнѣ нравились, тогда какъ прежде я смотрѣлъ бы на нихъ съ нетерпѣливымъ отвращеніемъ. Еще: когда я учился въ Академіи, правила монашества имѣли во мнѣ большую силу; музыка, одежда, танцы, веселость въ обществѣ съ дамами и барышнями казались мнѣ суетою, не стоящею вниманія. Свою настроенность я считалъ выше и цѣнилъ больше; а въ послѣдствіи я бранилъ монаховъ за нелѣпое воспитаніе, послѣ котораго надо опять переучиваться, чтобы быть человѣкомъ, какъ всѣ люди. И я не разъ заслуживалъ названія медвѣдя, пока не сталъ походить на людей. А еще спустя, я уже смѣялся и надъ этою досадою своею: виноваты были не монахи, а самъ я, мое упрямство и самолюбіе. А теперь я даже нахожу выгоду въ такомъ воспитаніи, потому что, какъ я уже не разъ говорилъ, чѣмъ меньше человѣкъ наслаждается, когда еще глупъ, тѣмъ больше для него наслажденій впереди, когда онъ будетъ уменъ. Такъ-то мѣняются наши убѣжденія. А какъ намъ выразить эти давно уже умершія чувства? Что я чувствовалъ, когда пріѣхалъ въ Академію? Что перечувствовалъ, стараясь какъ можно ладнѣе подойти и сойтись съ каждымъ новымъ лицомъ, въ которомъ подозрѣвалъ бездну превосходства надъ собою? Съ какими чувствами я оканчивалъ курсъ? Съ какими чувствами поѣхалъ въ Казань? И мало ли что еще? Послѣ всей этой длинной, нескладной и непонятной болтовни или философіи приходится сказать то, что говорится во введеніи въ психологію: явленія нашего духовнаго міра быстры и скоропреходящи и потому легко ускользаютъ отъ вниманія. Еще: явленія духовнаго міра можно изображать только въ образахъ міра внѣшняго, въ выраженіяхъ переносныхъ, стало-быть, неточныхъ и не вполнѣ соотвѣтствующихъ. И еще: мы привыкли болѣе жить во внѣшнемъ мірѣ, нежели внутри себя, болѣе знаемъ окружающее, нежели самихъ себя, и долѣе помнимъ внѣшнее, нежели наши собственные мысли и чувства. Всѣ эти три положенія я вполнѣ принимаю и всѣмъ изложеннымъ выше утверждаю.

Здѣсь будетъ очень кстати упомянуть о томъ, что журналъ нашей Академіи «Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ съ прибавленіями» началъ выходить въ наше время, въ 1843 году, когда мы были на старшемъ курсѣ. Мой Степанъ Ив. Зерновъ былъ первымъ письмоводителемъ въ редакціонномъ комитетѣ. Первое слово Григорія Богослова переведено митрополитомъ (27-го августа).

Мой характеръ въ Академіи долженъ былъ развиваться, правила—получить нѣкоторую прочность и основательность. Мои правила уже частію изложены. Вообще въ обществѣ я былъ человѣкъ мирный, добрый, по возможности служилъ другимъ, чѣмъ могъ. Не любилъ я оскорблять другихъ ни дѣломъ, ниже словомъ, и за то пользовался всеобщою любовью. Думаю, что никто изъ Академіи не вынесъ злой памяти обо мнѣ. Я могъ не нравиться другимъ по своему характеру и, можетъ-быть, не нравился и на самомъ дѣлѣ, но бездѣльникомъ ни съ кѣмъ не былъ. Я всегда держался нѣсколько вдаль отъ обыкновеннаго общества; я только тамъ свободно держалъ себя, гдѣ находилъ людей уже коротко знакомыхъ, которыхъ не боялась моя душа; а другихъ обществъ я нѣсколько избѣгалъ и чуждался. Душа моя возмущалась, нервы разстраивались, я краснѣлъ, когда слышалъ какія-нибудь вольности и неприличности въ рѣчахъ товарищей, и думаю не столько потому, чтобы оскорблялось мое чувство нравственное (а можетъ-быть, нѣсколько и потому), сколько потому, что боялся, чтобы не оскорбить другихъ, если не стану подражать имъ и поддерживать ихъ; а это было трудно и мало шло ко мнѣ. Но въ нѣкоторой степени правда и то, что я былъ не очень развращенъ. Вообще, я былъ не очень общественный человѣкъ. Иногда только для виду, переламывая себя, я входилъ въ общество, къ которому не лежала душа моя, и всегда чувствовалъ себя неловко въ такихъ случаяхъ. Во мнѣ много было мечтательности, я богатъ былъ своимъ внутреннимъ міромъ, и берегъ его отъ чужихъ глазъ, и былъ доволенъ имъ, и скука была для меня иногда наслажденіемъ. Если бы, при такой мечтательности и идеальности, я былъ наивенъ и откровененъ, я сталъ бы дѣлиться съ другими, подобно моему Николаю ¹⁾, своими мечтами; но природа дала мнѣ довольно благоразумія, осторожности и недовѣрчивости, а въ то же время и богатую долю самолюбія. Все это дѣлало меня нѣсколько отчужденнымъ отъ другихъ. Впрочемъ, господа мои, прошу понимать меня не слишкомъ строго; не слишкомъ выпукло представляйте мою мечтательность и отчужденность. Что я говорю, то правда въ отношеніи только ко внутренней жизни, къ завѣтнымъ чувствамъ и убѣжденіямъ; а по внѣшней жизни я былъ человѣкъ, конечно, не очень общественный, не приобрѣлъ популярности, но въ иную пору вы застали бы меня и у Трегубова за стаканомъ пунша, иногда и за преферансомъ, иногда и въ значительномъ ударѣ, т.-е. веселымъ, общественнымъ и откровеннымъ. Кто же не знаетъ, что у всякаго, въ особенности въ молодости, а у иныхъ и до старости, есть двѣ жизни: одна своя собственная, другая

---

¹⁾ Неводчиковъ.

общественная; и часто обѣ не походятъ одна на другую? Всегда въ первой больше истины, во второй больше искусства, маскированія, лицедѣйства. Такъ было и со мной. Живя въ монастырѣ, хорошо зная бытъ монашескій и плохо зная ихъ грѣшки, имѣя передъ глазами лучшіе образцы въ академическихъ монахахъ, я любилъ монашество; но самъ едва ли бы и при сильныхъ внѣшнихъ побужденіяхъ рѣшился итти въ монахи. Лучшее въ монашествѣ то, что монаху удобнѣе всего заниматься наукою—я разумѣю монаха ученаго,—но съ другой стороны, это невольное затворничество и одиночество, это воспрещеніе самыхъ позволительныхъ и невинныхъ удовольствій, которыя далъ Богъ человѣку, въ состояніи убить особенно молодого человѣка! Нѣтъ, не пошелъ бы я въ монахи! Я любилъ жизнь свободную. Мнѣ нужна свободная прогулка по городу, свободная дорога въ обществѣ, хоть бы для одного наблюденія, если не для разговора и обмѣна чувствъ. Но я любилъ и удовольствія свѣтскія и не считалъ ихъ грѣшными. Притомъ же я хоть и далекъ былъ отъ женщинъ, но уже понималъ прелесть женщины и питалъ мечту о семейномъ счастіи. Нерѣдко я дѣлался порядочнымъ ипохондрикомъ, ожидалъ скорой смерти, потому запасался различными рецептами отъ горячки, лихорадки, чахотки и другихъ болѣзней. Любилъ по утрамъ смотрѣть въ зеркало на свой языкъ. Само собою разумѣется, что это было тогда, когда я былъ въ самомъ дѣлѣ нѣсколько разстроенъ и боленъ. Наконецъ, должно сказать и о томъ, что мои желанія и требованія были весьма умѣренны. Въ Академіи я позволялъ себѣ роскошь чаепитія, но и въ ней раскаивался, когда по этому случаю мои долги у Трегубова выросли до 20 рубл. серебромъ. Особенно безпокоило мою совѣсть то, что я позволяю себѣ такую роскошь, тогда какъ мои родители терпятъ нужду во многомъ и необходимомъ; это меня очень трогало и тревожило. Во всемъ прочемъ я привыкъ къ строгой умѣренности и ограниченности. Я даже получалъ ложное понятіе о богатыхъ людяхъ: я думалъ, что богатство только портитъ людей и развращаетъ. Потому я думалъ, что каждый богачъ—развращенный и погибшій человѣкъ; и только недавно сталъ узнавать, что, напротивъ, всегда болѣе негодяевъ изъ бѣдняковъ и что деньжонки нисколько не помѣха добродѣтели. Даже я потомъ составилъ совершенно обратное понятіе, именно, что деньги, умно употребленныя на воспитаніе, на удаленіе тяжелыхъ нуждъ, разстраивающихъ и благоразумную душу, сберегаютъ и лелѣютъ невинность и нѣжность сердца и самое живое благочестіе. Это особенно замѣтно въ женщинахъ. Въ такомъ случаѣ богатство—истинное благословеніе Божіе. А прежде я съ трудомъ могъ представить, чтобы изъ богатства могло возникнуть что-нибудь доброе. Такъ подѣйствовала ри-

торика нашихъ проповѣдей на мой молодой умъ. Во всей этой характеристикѣ моей вы найдете много противорѣчій; не думайте, чтобы тутъ не было правды; всѣ эти противорѣчія легко примиряются, если вспомните о двухъ жизняхъ каждаго человѣка, о различныхъ эпохахъ въ жизни и, наконецъ, о великой способности каждаго человѣка, въ особенности меня, къ самымъ различнымъ и противоположнымъ мыслямъ и правиламъ въ одну и ту же эпоху жизни.

Прощай, Академія! Было время, я сердился на тебя; но все же я люблю тебя! И ты меня любила и ласкала. Я сердился на тебя, какъ глупый и капризный ребенокъ. 7-го іюля 1844 года я оставилъ Академію. Моя повозка была укрыта рогожами, положенными на зеленія березки, согнутыя дугою надъ телѣгою. Ящикъ съ тетрадями и книгами, горшокъ съ лимономъ и геранью, выращенными въ Академіи, отправлялись со мною въ Дмитровъ. Извозчикъ былъ старый знакомый—Василій Морозъ изъ Волдынска. Неводчиковъ, Пшолко и другіе проводили меня. Около 6-ти часовъ вечера я пріѣхалъ въ Дмитровъ. День былъ хорошій, перепадаль, впрочемъ, и дождичекъ.

Ученье кончено. Куда-то поведетъ меня судьба? Но пока оставимъ это...